

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗАВЕЩАНИИ БЕЛИНСКОГО

Статья Д. Заславского

I

В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский писал: «...поездки за границу чрезвычайно полезны нам: многие из русских отправляются туда решительными европейцами, а возвращаются оттуда, сами не зная кем, и потому самому с искренним желанием сделаться русскими» (X, 399).

В этих словах выражено весьма критическое отношение к Западной Европе. Можно было бы прочитать в них некоторое сочувствие славянофилам. Но вслед за этим Белинский решительно отмежевывается от славянофилов. Он попрежнему враждебен славянофильской идее самобытности русского народа. Это не значит, однако, что он враждебен идее самобытности вообще. У него есть своя собственная идея на этот счет. Как раз ее Белинский и развивает в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года».

Мы вернемся к этой статье, а пока обратим внимание на то, что как раз после напечатания ее Белинский стал готовиться к своей единственной поездке за границу, которую и осуществил летом 1847 г. Он побывал в Германии, проезжал через Бельгию, прожил почти два месяца в Париже. Мы не можем сказать, что Белинский уезжал за границу «решительным европейцем». Мы видели его критическое отношение к этой категории русских путешественников. Еще в меньшей степени мы можем сказать, что он вернулся «сам не зная кем... с искренним желанием сделаться русским». Он был вполне русским и перед своей поездкой. Но была ли в таком случае полезна для него поездка и что нового внесла она в общественно-политическое мировоззрение Белинского?

Белинский ехал за границу не как любознательный путешественник-турист. Он и не бежал за границу, как некоторые его современники. Его погнала жестокая болезнь. Отечественные врачи не могли помочь, — оставалась обманчивая надежда на иностранных. Но и эти оказались бессильны. Белинский умер через девять месяцев после своего возвращения из Парижа.

Болезнь разрушала организм, подточенный годами тяжких лишений и перенапряженного труда. Физические силы истощались. А духовные? Временами Белинскому казалось, что ослабевает его мысль, падает его воля, гаснет страсть. Он писал Кавелину в ноябре 1847 г., вернувшись из-за границы: «...я и сам ехал за границу с тяжелым и грустным убеждением, что поприще мое кончилось, что я сделал все, что дано было мне сделать, что я измочалился, выписался, выболтался, и стал похож на выжатый и вымоченный в чаю лимон» («Письма», III, 298). Но Белинский для того и написал это свое признание, чтобы его опровергнуть. Нет, он не был убежден в том, что он «сделал все». Момент упадка веры в себя, в свои силы сменялся подъемом настроения, энергии, боевой страсти.

Белинский неохотно ехал за границу. Он боялся приступов апатии, равнодушия к чужому, западноевропейскому миру. Это и бывало с ним иногда. Боткину он сообщал, что «не даром скучал, зевал и апатически страдал за границей» («Письма», III, 266). Наблюдая его в такие минуты, Тургенев пришел к заключению, что Белинский «уже устал и охладел». Свидетельство сомнительное. Оно характеризует самого Тургенева больше, чем Белинского. Ближе к истине был Герцен. Он вспоминал о Белинском: «В последний раз я видел его в Париже осенью 1847 года; он был очень плох, боялся громко говорить, и лишь минутами воскресала прежняя энергия и ярко светилась своим догорающим огнем. В такую минуту написал он свое письмо к Гоголю» («Былое и думы», гл. XXV).

Белинский был, действительно, физически «плох» в августе—сентябре 1847 г. Не удивительно, что он боялся громко говорить вслух. Но нельзя согласиться с тем, что письмо к Гоголю могло быть делом «минуты». Это положительно неверно. Оно не было и единственным документом этого времени, отразившим высокий подъем и мысли и страсти Белинского. Все его письма, и все его статьи, написанные после возвращения из-за границы, проникнуты духом борьбы.

В конце февраля 1848 г. (по старому стилю) Белинский упрекает Боткина в том, что он исключает «нетерпимость из числа великих благородных источников силы и достоинства человеческого». О себе Белинский говорил здесь: «...останусь гордо и убежденно нетерпимым. И если сделаюсь терпимым — знай, что с той минуты я — кастрат, и что во мне умерло то прекрасное, человеческое, за которое столько хороших людей (а в числе их и ты) любили меня больше, нежели сколько я стоил того» («Письма», III, 185—186).

Идейной нетерпимостью, — мы сказали — бы теперь, партийностью, — дышат все произведения Белинского — и его статьи в журнале, и его письма, — в 1847—1848 гг. Он не устал и не охладел. Напротив, смерть захватывает его на новом повороте в борьбе за будущее России. Он — в новом увлечении, в новых поисках.

Надо, таким образом, решительно отвергнуть представление о том, будто последние годы и даже месяцы жизни Белинского были временем упадка его творчества, будто только «на минуту» загоралось оно прежним пламенем. Можно утверждать с достаточным основанием, что как раз незадолго перед смертью Белинский в своей деятельности поднялся на высочайшую вершину, с которой пророчески прозрел грядущие пути русской литературы и русского народа. Анненков в своих «Воспоминаниях» рассказывает о том, как Герцен оценил письмо Белинского к Гоголю: «Во все время чтения уже знакомого мне письма я был в соседней комнате, куда, уловив минуту, Г(ерцен) шмыгнул, чтобы сказать мне на ухо: „Это — гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его“».

Отбросив в сторону всяческие измышления об упадке творческой деятельности Белинского, его усталости, о примирении с противниками и т. п., мы можем подойти к вопросу о том, какое значение имела для Белинского поездка за границу, как отразилась она в его произведениях.

II

Вернемся к статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Среди других работ его — это статья замечательнейшая. В ней есть новые мысли, представляющие огромный интерес. Они не были оценены в достаточной степени современниками, людьми 40-х годов XIX в. Но не случайно отдельные положения и фразы из этого обзора так часто приводятся в наше время. Люди 40-х годов XX в. понимают их лучше. Мало того. Именно в наши дни смысл этой статьи раскрылся во всей его волную-

щей силе. То, что было для самого Белинского смутным видением, стало реальной действительностью.

Еще раньше, в 1846 г., в статье «Мысли и заметки о русской литературе» Белинский написал столь ныне известные, часто цитируемые строки: «Россия решила судьбы современного мира, „повалив в бездну тяготевший

БЕЛИНСКИЙ

Рисунок А. Редера, 1858 г.

Как свидетельствует надпись, сделанная П. А. Ефремовым, портрет был скопирован Редером для Некрасова с оригинала, рисованного с натуры Е. А. Языковой в мае 1848 г. После смерти поэта З. Н. Некрасова подарил портрет Ефремову

Институт мировой литературы им. Горького АН СССР, Москва

над царствами кумир“, и теперь, заняв по праву принадлежавшее ей место между первоклассными державами Европы, она, вместе с ними, держит судьбы мира на весах своего могущества... Но это показывает, что мы ни от кого не отстали, а многих и опередили в политическо-историческом значении — важной, но еще не единственной, не исключительной стороне

жизни для народа, призванного для великой роли. Наше политическое величие есть несомненный залог нашего будущего великого значения и в других отношениях; но в одном в нем еще нет окончательного достижения до развития всех сторон, долженствующих составлять полноту и целость жизни великого народа. В будущем мы, кроме победоносного русского меча, положим на весы европейской жизни еще и русскую мысль...» (X, 142).

Поражает сила уверенности Белинского в великом историческом призвании русского народа. Он решительно отвергал пророчества мистического характера, — в них не было тогда недостатка. Одним из источников веры в великое будущее России было для Белинского могучее развитие русской литературы. А литература была для него отражением пройденных исторических путей и предугаданием грядущих.

Размышления о грядущих путях развития России составляют важнейшую часть статьи «Русская литература в 1846 году». Литературно-критический обзор нужен Белинскому для того, чтобы поставить основной историко-философский и политический вопрос о задачах, которые призван разрешить великий русский народ. Если он должен в будущем положить на весы европейской жизни русскую мысль, то в чем она, эта мысль?

На этот вопрос Белинский отвечает так: «Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль, но какое это слово, какая мысль, — об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряженного разгадывания; потому что это слово, эта мысль будет сказана ими...» (X, 401).

Значит ли это, по Белинскому, что его современники осуждены на пассивное выжидание; что если «рано хлопотать», то надо отказаться от активного вмешательства в исторический ход событий? Нисколько. Белинский требует в своей статье, чтобы выбор пути к великому будущему сделан был именно теперь. От того, по какому направлению пойдет все дальнейшее развитие России, зависит и то, когда и как будет сказано потомками новое слово. Белинский пишет:

«Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем. Мы как будто испугались за нашу жизнь, за наше значение, за наше прошедшее и будущее, и скорее хотим решить великий вопрос: Б ы т ь и л и н е б ы т ь? Тут уже дело идет не о том, откуда пришли Варяги — с Запада или с Юга, из-за Балтийского или из-за Черного моря; а о том, проходит ли через нашу историю какая-нибудь живая органическая мысль, и если проходит, какая именно; какие наши отношения к нашему прошедшему, от которого мы как будто оторваны, и к Западу, с которым мы как будто связаны» (X, 398). Кстати сказать, в связи с этой альтернативой — быть или не быть? — сказаны Белинским приведенные выше слова о пользе для русского человека поездки за границу.

Альтернатива эта в русской литературе 40-х годов прошлого века не новая; вокруг вопроса — быть или не быть? — и шли споры между славянофилами и западниками. Но Белинский на этот раз ставит вопрос по-новому. Он решительно отрицает реакционные позиции славянофилов. Он называет «маниловскими фантазиями» их стремление повернуть русскую историю вспять, к допетровским временам. Но Белинский отмечает и положительную сторону в славянофильстве: его критическое отношение к Западу.

Белинский призывает к решительному пересмотру традиционного отношения демократических кругов к Западной Европе: «...пора оставить, — говорит он, — как дурную привычку, довольствоваться словами и европейские формы и внешности принимать за европеизм. Скажем более: пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиат-

Отъ совершеннолѣтнихъ наслѣдниковъ Чювоинки 4-го класса Каленина снѣмъ извѣщается, что ими съ разрѣшенія Правительствующаго Сѣната, будетъ продаваться по волюю **ИМѢНІЕ**, состоящее изъ 35 верстахъ цѣною, отъ С. Петербурга, Ораниенбаургскаго уѣзда въ деревняхъ Мухомовы и Заостровые, въ коихъ числится по ревизіи мужского пола крестьянъ 96 душъ: земля пашенной, сѣнокосной и лѣсной при первой деревнѣ 262 десятины 1960 сажень, а при другой 173 десятины 1696 сажень; и съ пригородною дачею Везенбергъ, отъ Ораниенбаума въ 7 верстахъ, съ деревенными тамъ строениями, дворами и сѣнокошомъ. Срокъ для торга извѣщается 1847 г. мая 30 для въ 12 часовъ пополудни, въ домѣ наслѣдниковъ Калениныхъ, Рождественской части 1-го кварт. № 19—20, гдѣ можно узнать въ подробности объ этомъ имѣніи отъ снѣмхъ наслѣдниковъ и вѣдѣть цѣны. 3

ОТДАЧА ВЪ НАЕМЪ.

На Аптекарскомъ Острову на набережной Невки близъ Каленино-Островскаго моста, отдается въ наемъ бывшая Г.-л. Зигельгартовъ, а нынѣ Г. Прехталъ подл. № 1385 и 1248, между дачами Кнзя Шаховскаго и Генеральши Обресковой вѣномъ, отапливаемая для оного семейства, въ коей 20 комнатъ частыхъ, конюшня на 10 стойловъ, 2 сарая большаго, особая прачешная, каменная отапливаемая кухня и всѣ службы; о цѣнѣ спросить у дворника. 1.

КВАРТИРА

7 комнатъ и 1 кухня отдается за отъѣздомъ, конюшня на 3 лошади, сѣновалъ, сарай наметный, и для провѣ чуланъ; спросить близъ Невскаго проспекта и вокзала, въ домѣ Г. Саушевскаго, подл. № 223. 1.

За отъѣздомъ отдается въ наемъ **КВАРТИРА** съ мебелью состоящая изъ 20 комнатъ въ двухъ этажахъ, конюшня, сарай и со всѣми принадлежностями. 3-й Адмиралтейской части. 4-го квартала, на углу Саловою и Вознесенской улицъ въ домѣ Мусиной-Пушкиной подл. № 46 и 306. Тутъ же промѣстны 7 лошадей, кибитка и коляска изъ лежачихъ.

ОТЪѢЗЖАЮЩІЕ ЗА-ГРАНИЦУ.

I.

Анна БАВЕРРА съ дочерью МАТИЛЬДОЮ; на площадѣ Александринскаго Театра въ домѣ Кемеля.

Константинъ Александровичъ ШВЕБЪ, Лейбъ-Гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка Готтистръ; въ г. Нарскомъ Селѣ въ 3-й кварт. Захарьевской улицы въ домѣ Губернша Штегельмана.

Надежда Павловна БѢЛЫЯ, съ малолѣтними синами ФЕОДОРОМЪ, при нихъ крѣпостная женщина Г. Езеркова Анна ФАДѢЕВА; Моск. ч. 4-го кв. въ собственномъ домѣ подл. № 19.

Николай Викентьевичъ ДОБРОВОЛЬСКИЙ; Моск. ч. 1-го кварт. въ Троицкомъ переулкѣ въ домѣ Кравцовской № 9.

Валеріанъ Петровичъ ШРЕЙДЕРЪ, Подполковникъ съ супругою АЛЕКСАНДРОЮ Степановною, при нихъ крѣпостная дѣвица Ирина ВОЛКОВА и дворовой челоуѣкъ Владиміръ АЛЕКСѢЕВЪ; на углу Невскаго проспекта и Литейной въ домѣ Жукова.

Константинъ Дмитріевичъ ЕСАКОВЪ, отставной Артиллеріи Капитанъ; Литей. ч. 2-го кв. въ собственномъ домѣ № 136—25.

Марія Егоровна СИМПСОНЪ, Великобританская подданная, съ дочерью ЕЛИЗАВЕТА, ГЕНРИЕТА и ДЖОРЖАЙНА и служанка Катерина ВАЙНЪ, въ домѣ Виссариона Висбергъ въ Соборной улицѣ въ Броннштадтѣ. Зинаіда Мартыновна ТИБЛЕНЪ, жена Архитектора съ малолѣтними синами ЛЬВОМЪ; на Вас. Остр. въ 8-й линіи въ домѣ Гизе № 44.

Юва Михайловичъ БРАШЕНИННИКОВЪ, потомственный Почетный Гражданинъ; Вас. ч. 1-го кв. въ домѣ Паннаша № 48—2.

Дмитрій Павловичъ ЖАДИМЕРОВСКОЙ, отставной Корнетъ; 2-й Адм. ч. 1-го кв. въ домѣ № 1.

Джоржъ КИТСОНЪ, Великобрит. подл.; въ Галерейной улицѣ въ домѣ № 214—78.

Павелъ Діонисіевичъ ЕФРЕМОВЪ, Оберъ-Гаттерфервалтеръ 8-го класса, при немъ житель города Феліа Александръ Федоровъ КАПЛИКЪ; Моск. ч. 4-го кв. въ домѣ Бѣланской № 19.

Виссарионъ БѢЛЫНСКИЙ, дворянинъ; 3-й Адм. ч. 1-го кв. въ домѣ № 3.

Дѣвица Юлія ГИЛИСЪ; на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Чаплина № 15.

Іоаннъ Карлъ Августъ ОВЕРВЕКЪ иностранецъ; въ Зинковомъ переулкѣ въ домѣ Риглера № 4.

Алфредъ ГАМФРЕСЪ иностранецъ; въ Эртелевомъ переулкѣ въ домѣ Третьякова.

Жанъ Просперъ МОРЕЛЬ иностранецъ, на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Косенковскаго № 10.

Максимъ ФЕДОРОВЪ отставной унтеръ-офицеръ; 3-й Адм. ч. 2-го кв. № 117.

II.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ВЪ ГАЗЕТѢ «САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ ВѢДОМОСТИ» № 78
отъ 10 АПРѢЛЯ 1847 г. О ПРЕДЪИЩЕМЪ ОТЪѢЗДѢ БЕЛИНСКАГО ЗА ГРАНИЦУ
Объявленное было повторено въ № 80 и 82 отъ 12 и 15 апрѣля 1847 г. той же газеты

ское, но любить, уважать его, стремиться к нему потому только, что оно ч е л о в е ч е с к о е, и на этом основании, все европейское, в чем нет человеческого, отвергать с такою же энергиею, как и все азиатское, в чем нет человеческого. Европейских элементов так много вошло в русскую жизнь, в русские нравы, что нам вовсе не нужно беспрестанно обращаться к Европе, чтоб сознавать наши потребности: и на основании того, что уже усвоено нами от Европы, мы достаточно можем судить о том, что нам нужно» (X, 400).

По сути, Белинский на своем языке, отразившем влияние исторического идеализма, высказывает идеи, близкие нашему времени. Он проводит глубокое, принципиальное различие между уважением к подлинному европеизму, у коего общие с Россией пути исторического развития, и низкопоклонством перед внешними формами западноевропейской иностранщины. Европеизация России не была ошибкой, как это утверждают славянофилы. Европеизация вывела Россию на прогрессивный путь развития. Но Россия отнюдь не осуждена на то, чтобы всегда следовать за Западной Европой, перенимая ее зады. У великого русского народа — свои пути. Он их прокладывает в истории самостоятельно, по своему выбору. В этом и выражается, по Белинскому, национальная самобытность русского народа. Далее следуют замечательные высказывания Белинского о национальности и космополитизме. Вся его статья, программная по своему характеру, представляет борьбу на два фронта. Белинский выступает против двух «крайностей». Он говорит о своих идейных противниках: «Одни бросились в фантастическую народность; другие — в фантастический космополитизм, во имя человечества» (X, 405). Кого имеет в виду Белинский, по чьим адресам направлены его обвинения?

Первый адресат известен. С ним Белинский полемизирует давно и страстно. Это славянофилы, реакционные националисты, сторонники уваровской «казенной народности», неотделимой от православия и самодержавия.

Кто второй адресат? Это выяснится из дальнейшего. Пока же заметим, что под космополитами «во имя человечества» Белинский имел здесь в виду и тех русских «решительных европейцев», о которых он писал, что непосредственное знакомство с Западной Европой может переделать их. Именно эти «решительные европейцы» принимают за «европейское» внешние формы западноевропейской жизни и подменяют «человеческое» низкопоклонством перед иностранщиной.

С огромной силой утверждает Белинский права национального своеобразия народов. Горячей страстью дышат его слова: «Чтò л и ч н о с т ь в отношении к и д е е человека, тò н а р о д н о с т ь в отношении к и д е е человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманических космополитов, потому что если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и истину-то говорят, как такое-то издание, такой-то логики... Но к счастью, — прибавляет Белинский, — я надеюсь остаться на своем месте, не переходя ни к кому...» (X, 408).

Замечательные мысли Белинского закутаны в довольно густую оболочку идеалистической фразеологии. Но она меньше всего должна нас смущать. Идеи, высказанные Белинским сто лет назад о национальности и космополитизме, были совершенно правильны. Марксизм-ленинизм подвел под его высказывания твердую исторически-материалистическую базу.

Мы видим, какие мысли, какие настроения владели Белинским, когда он готовился к своей поездке за границу. Это была его первая личная встреча с тем Западом, о котором он неустанно писал всю жизнь, за который воевал с русскими реакционными писателями и публицистами. Он был

самым непримиримым, самым страстным защитником европеизации России. Но теперь, накануне поездки, он столь же страстно и нетерпимо выступил против тех из своих сторонников, которые смешивают подлинный европеизм с низкопоклонством перед иностранщиной и противопоставляют идею человечества идее национальности, как противоположные начала. Чего ожидал Белинский от Западной Европы? Он дал довольно точный ответ на этот вопрос, — конечно, в рамках царской цензуры. Он писал в той же статье:

«Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности. То, что для нас, Русских, еще важные вопросы, давно уже решено в Европе, давно уже составляет там простые истины жизни, в которых никто не сомневается, о которых никто не спорит, в которых все

ПРИЕЗД ПОМЕЩИЦЫ

Акварель неизвестного художника, 1850-е гг.

Исторический музей, Москва

согласны. И—что всего лучше—эти вопросы решены там самою жизнью, или, если теория и имела участие в их решении, то при помощи действительности. — Но это несколько не должно отнимать у нас смелости и охоты заниматься решением таких вопросов, потому что пока не решим мы их сами собою и для самих себя, нам не будет никакой пользы в том, что они решены в Европе. Перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы те же, да не те, и требуют другого решения. — Теперь Европу занимают новые великие вопросы. Интересоваться ими, следить за ними нам можно и должно, ибо ничто человеческое не должно быть чуждо нам, если мы хотим быть людьми. Но в то же время для нас было бы вовсе бесплодно принимать эти вопросы как наши собственные. В них нашего только то, что применимо к нашему положению; все остальное чуждо нам, и мы стали бы играть роль дон-Кихотов, горячась из *<за>* него. Этим мы заслужили бы скорее насмешки Европейцев, нежели их уважение. У себя, в себе, вокруг себя — вот где должны мы искать и вопросов и их решения» (X, 411—412).

Что это за «важные вопросы», которые в Западной Европе уже разрешены, а в России еще ждут своего решения и должны быть решены собственными силами русского народа? Что это за «новые великие вопросы», которые занимают ныне Европу, но являются вопросами посторонними для России? Нужно расшифровать все эти слова, сказанные так, чтобы царская цензура не могла придаться к ним. Расшифровать не трудно, но мы предпочитаем сделать это словами самого Белинского, а для этого надо последовать за ним за границу. К этому мы и переходим.

III

Белинский ехал за границу лечиться. Но не такой он был человек, чтобы, попав впервые в чужие страны, освободившись на время от гнетущего надзора николаевских жандармов, он не стал бы живо интересоваться людьми и событиями, доселе ему не известными или известными только из газет, книг и понаслышке.

Он поехал прежде всего в Германию, проехал через Берлин в Дрезден, побывал в его живописных окрестностях, остановился в курорте Зальцбрунн в Силезии. Его встретили в Германии Тургенев и Анненков. Они были и его проводниками. Белинский любовался видами Саксонской Швейцарии, осматривал музеи. Известен его замечательный отзыв о Сикстинской мадонне. Но природа и музеи утомляли его.

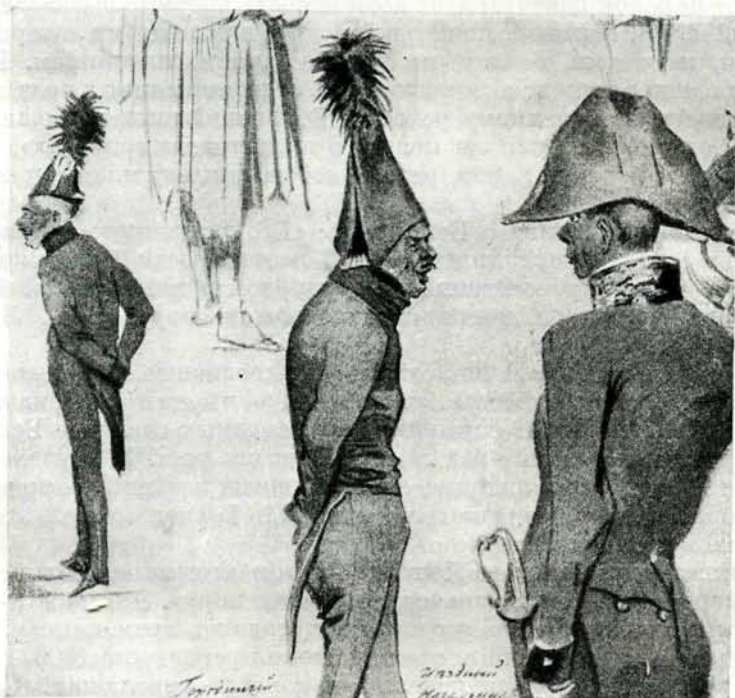
Белинский внимательно всматривался в жизнь немецкого народа, он подмечал в ней такое, что проходило мимо глаз его либеральных друзей. Это свидетельствует о том, что Белинского и в курортно-лечебной обстановке занимали важнейшие общественно-политические вопросы. Он писал Боткину из Дрездена: «Что за нищета в Германии, особенно в несчастной Силезии, которую Фридрих Великий считал лучшим перлом в своей короне. Только здесь я понял ужасное значение слов: *пауперизм* и *пролетариат*» («Письма», III, 244). Белинский сравнивает положение немецкого рабочего с положением русского крестьянина-крепостного. Может показаться, что состояние крепостничества Белинский считает более выгодным для трудящегося человека, чем «свободный труд» в капиталистическом обществе. Но это, конечно, не так. Об этом пойдет речь ниже. Важно то, что, вырвавшись из крепостнической России на самый короткий срок в «свободную» страну, Белинский не дал себя ни на минуту в обман. Он сразу же рассмотрел самую важную сторону в жизни государства, в котором шла в это время борьба за либеральные реформы. Он и в Германии ко всем вопросам подходил прежде всего как демократ, как плебей, ставя на первое место интересы народа. Он и Сикстинскую мадонну рассматривал прежде всего с демократической, с плебейской точки зрения, открыв с удивительным чутьем аристократическое пренебрежение к народу и в чертах богородицы и в чертах младенца. Он и в живописных горах Саксонии, и в промышленных поселениях Силезии открыл прежде всего нищету рабочего класса, его бедность... «Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать — и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат!» («Письма», III, 244). Он рисует яркую картину нищеты силезского пролетариата и заключает словом: «Страшно!»

Извольте после этого говорить об «охлаждении» Белинского!

Он поехал в Германию в то время, когда буржуазия начала там выступления за расширение избирательного права, за политические реформы, за конституцию, ограничивающую самовластие королей. Трудно назвать *б о р ь б о й* это оппозиционное движение. Достаточно было резкого окрика со стороны Фридриха-Вильгельма IV, чтобы буржуазия смиренно стала на колени и требования сменила на просьбы. Все же в Германии, всего

больше в Пруссии, назревал политический кризис, брожение чувствовалось и в печати, и в разговорах. Энгельс писал о 1847 году в Пруссии: «Вопрос о том, кому должно принадлежать господство в Пруссии: союзу ли дворянства, бюрократии и попов с королем во главе, или же буржуазии, — поставлен теперь так остро, что он должен быть определенно разрешен в пользу одной или другой стороны» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. V, стр. 241).

Белинский был в курсе событий. Он неоднократно упоминает о «штандах», то-есть о сословиях в Пруссии: об их борьбе за власть и шла речь. Либеральная немецкая буржуазия приводила Белинского в негодование.

УЕЗДНЫЕ ЧИНОВНИКИ

Зарисовки Г. Г. Гагарина, 1830-е гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

С раздражением он говорил о немецких мещанах. К ним относятся негодующие слова Белинского в письме к Боткину: «Что за тупой, за пошлый народ немцы — святители! У них в жилах течет не кровь, а густой осадок скверного напитка, известного под именем пива, которое они лупят и наяривают без меры. Однажды за столом был у них разговор о штандах. Один и говорит: „я люблю прогресс, но прогресс умеренный, да и в нем больше люблю умеренность, чем прогресс“. Когда Тургенев передал мне слова этого истого немца, я чуть не заплакал, что не знаю по-немецки и не могу сказать ему: „я люблю суп, сваренный в горшке, но и тут я больше люблю горшок, чем суп“. Этот же юный немец, желая похвалить одного оратора, сказал о нем: „он умеренно парит“. Но всего не перескажешь об этом народе, скроенном из остатков и обрезков» («Письма», III, 243—244).

Нужна ли другая, более страстная, более непримиримая оценка немецкого буржуазного либерализма, да и либерализма вообще? За рубежом родной страны Белинский остался революционером и демократом по

всему складу своей натуры, по всему строю своего мышления. На немецком курорте, за чинным табльдотом, среди немецких бюргеров он готов броситься в сражение с тупым и самодовольным либералом, восхваляющим добродетели умеренности и аккуратности...

Но как бы ни были интересны люди и события в Германии, душа Белинского не с ними. Он приглаживается к новым для него явлениям и картинам, но все его мысли с Россией. Он и не успел по-настоящему оглянуться в Германии, а его тянет домой, на родину. Неотступно стоят перед ним те «важные вопросы», которые русский народ должен решать самостоятельно собственными силами и которые на Западе уже решены. Письмо Гоголя дает повод Белинскому высказать свои мысли со всей силой и страстью. Свобода от царской цензуры дает возможность впервые высказаться полностью, ничего не скрывая, ничего не маскируя условными литературными оборотами, намеками, понятными только единомышленникам. В Зальцбрунне, в течение трех дней, отказавшись от предписанных врачом прогулок, изменив установленному режиму, Белинский пишет свое знаменитое письмо к Гоголю, и это как раз письмо о тех «важных вопросах», которые должен решить русский народ, решить собственными силами, у себя, ища решения «вокруг себя».

Известны слова Ленина о Белинском: «Его знаменитое „Письмо к Гоголю“, подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору» (В. И. Л е н и н. Сочинения. Т. XVII, стр. 341).

Подчеркнем в отзыве Ленина слова: «подводившее итог литературной деятельности Белинского». Мы, действительно, имеем право видеть в письме к Гоголю обобщенную формулировку основных взглядов Белинского. В этом письме Белинский пред нами во весь его рост. Высказано с огненной страстью все, к чему он пришел после многих лет литературно-политической борьбы, после пережитых сомнений. Герцен назвал это письмо «завещанием» Белинского.

Подчеркнем и другие слова Ленина — о том, что письмо Белинского сохранило «громадное, живое значение и по сию пору». Это значит — по 1914 год. Партия большевиков в это время, преодолев временные настроения упадка в рабочем движении после поражения революции 1905 г., возглавила рабочий класс России и вела его к новой революции. Свержение самодержавия, свержение помещичье-капиталистического строя было задачей рабочего класса, руководителя революции, и крестьянства, его союзника.

Белинский в своем письме к Гоголю перечислил те вопросы, которые он считал «важными» для России в 1847 г. Он писал: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть» («Письма», III, 231).

С первого взгляда, это вопросы о реформах. Белинский обходит вопрос о формах политического правления. Он предполагает возможность проведения этих реформ царским правительством. Ведь речь идет даже не о конституции, а об исполнении законов, установленных самодержавной царской властью. О необходимости отмены крепостного права поговаривали тогда даже консервативно настроенные чиновники. Это входило в программу либеральных кругов профессуры, писательской среды, журналистики.

Но сразу же, с первого слова, письмо Белинского к Гоголю было решительно всеми воспринято как революционный манифест, призывающий по сути к ниспровержению царизма. Правительство Николая I оценило выступление Белинского как самый яркий документ революционного

движения 1848 г. За чтение письма Белинского, — только за чтение! — притом в узком кругу передовых интеллигентов того времени, петрашевцев, Достоевский был приговорен к смертной казни. Не трудно представить себе участь Белинского, если бы это письмо его, «завещание», стало известно царским жандармам до его смерти. Царское правительство не перечня реформ испугалось в этом письме, а того тона, в каком сказано было о реформах. Тон был открыто революционный, он и делал «музыку».

Была по самодержавию, по всему помещичьему строю картина крепостнической России, нарисованная гениальным пером революционера-демократа: «...она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей!» («Письма», III, 231).

«Вот вопросы, которыми тревожно занята Россия в ее апатическом сне!» — добавлял Белинский, и всем тоном своим письмо его направлено было на то, чтобы пробудить Россию, согнать «апатию»... Пробуждение это все крепостники-помещики во главе с царем переводили на язык истории, как революцию, и они были правы. Без революционного переворота «важные вопросы» не могли быть решены в России. Они и не были решены до 1917 г.

Белинский ожидал, что первый шаг в направлении к реформам будет сделан правительством. Это не была либеральная иллюзия. Белинский считал, что царизм будет вынужден отменить крепостное право, — добровольно, если поймет требования момента, под напором крестьянских восстаний, если не поймет. Но формальной отменой крепостного права Белинский отнюдь не ограничивал «важных национальных вопросов». Его письмо, направленное в первую очередь против крепостников-помещиков, против продажных чиновников, было несравненно дальше. Оно формально приводило к требованию замены феодально-крепостнического строя буржуазным. А по сути Белинский и этим не ограничивался. Его слова о достоинстве человека, его гневное обличение мистицизма и церкви, требование полного раскрепощения народа выводили и за пределы упорядоченного буржуазного общества. И в этом отношении письмо Белинского сохраняло живую силу и десятки лет после того, как крепостное право формально было отменено.

Это засвидетельствовали документально русские либералы, злейшие враги революции, рабочего класса, социализма. Свою идеологическую расправу с революционной демократией писатели из печально-знаменитого сборника «Вехи» начали с Белинского, и именно с письма Белинского к Гоголю. Ленин в статье «О „Вехах“» сопоставляет два высказывания либеральных ренегатов о Белинском: «Письмо Белинского к Гоголю, вещают „Вехи“, есть „пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения“ (56). „История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разума — сплошной кошмар“ (82)». (В. И. Ленин. Сочинения. Т. XIV, стр. 219).

Разоблачая веховцев, вскрывая источник их бешеного озлобления против Белинского, Ленин указывает на то, что рождало силу и страсть знаменитого письма к Гоголю: «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?» (там же).

Дух крестьянской революции — вот что привело в смертельный испуг всю царскую бюрократию сто лет назад в письме Белинского. Важные национальные вопросы для России Белинский решал с прямой и последовательностью революционного демократа. Либеральная половинчатость была чужда его мировоззрению, всей его натуре, его литературному стилю. Его не смутил высокий художественный авторитет Гоголя, перед которым он поклонялся. Его не остановили соображения литературного пиетета, приятельские отношения, условные приличия. «Я не умею говорить вполнину, не умею хитрить; это не в моей натуре», — так Белинский заключал свое письмо. Это — язык честного демократа и революционного борца.

Мы видели, как, находясь за границей, Белинский решал важные вопросы русской внутренней жизни. Мы видели, как относился он и к посторонним как будто для него важным вопросам германской внутренней жизни. Он и тут непримирим к либеральной половинчатости. Его слова о нищете рабочего класса, о пауперизме и пролетариате сказаны так, как мог бы сказать их только сторонник интересов трудящихся, как честный демократ. Но в Германии он видит только одну сторону в жизни пролетариата: его бедственное положение, его лишения.

Германия не привлекла к себе Белинского. Мы читали его отзыв о «немцах». Он ехал дальше, во Францию. В самом имени «Париж» была волнующая сила для русских передовых людей. Здесь зарождались революции. Отсюда проникали и в русскую глущь социалистические и коммунистические учения. Помимо этого, в Париже жили в это время Герцен, Бакунин... Белинского не могло не тянуть к ним.

Но Белинский писал Боткину перед самой поездкой в Париж: «Еду в Париж и вперед знаю, что буду там скучать. Притом же, чорт знает, что мне за счастье! В Питере, перед выездом, я только и слышал, что о шайке воров с Трипатыным и Добрышиным во главе; при приезде в Париж только и буду слышать, что о воре Тесте и других ворах, конституционных министрах, только подозреваемых, но не уличенных еще вором Эмилем Жирарденом. О, tempora! O, mores! O, XIX век! O, Франция — земля позора и унижения! Ее лицо теперь — плевальница для всех европейских государств. Только ленивый не бьет по щекам ее» («Письма», III, 245).

Ниже мы прокомментируем эти слова о министрах-ворах. Отметим лишь сейчас и попутно, что за гневными словами об унижении и падении Франции не трудно открыть и горячие симпатии к французскому народу. В лирической тираде Белинского есть и презрение к правящим кругам Франции и искренняя боль за нее. Так не говорят о стране, к которой относятся безразлично.

Но действительно ли Белинский по приезде в Париж готовился слышать только о воровстве министров? Несомненно, это преувеличение в интимном письме к другу. Мы знаем, что он писал столь недавно о Западе. Вспомним его слова, приведенные нами выше: «Теперь Европу занимают новые великие вопросы. Интересоваться ими, следить за ними нам можно и должно...» Можно сказать, не рискуя впасть в ошибку, что среди этих великих вопросов одно из первых мест занимал вопрос о социализме и коммунизме. Повидимому, был среди этих вопросов и вопрос о государственном устройстве некоторых западноевропейских стран, в первую очередь Франции. В порядок дня был поставлен вопрос о республике. В газетах того времени видное место занимала борьба за национальное объединение Италии.

Белинский был в курсе политических споров. Это ясно из его писем. Он был хорошо знаком и с борьбой политических течений и социалистических школ во Франции. В том же письме к Боткину, непосредственно вслед за словами о французских министрах-ворах, идет любопытнейшее высказывание о Луи-Блане, который был тогда на положении виднейшего

A black and white photograph of the University of Vienna, showing a long, multi-story building with several prominent spires and towers, surrounded by trees and a lawn.

Inhalt.

[illegible]

Hinter der wissenschaftlichen Aufgabe der neuen Zeit vor dem viel gegangenen Marxismus besteht jedenfalls darin, daß wir die Schamtheit des Volks, daß wir auch zueini-

gen Stände, welche in Hellas und Aegypten alle politischen und rechtlichen Verordnungen erlassen und in das Volk vertheilt herabzuleiten waren; in die Herakliden, die Richter, Schlichter und Anführer der Volksversammlungen waren. Es entspricht dem gleichmäßig die Verordnungen des Königs und des Bundesrats mit der freien gerichtlichen Aburtheilung im Erblichthum. Es entspricht die Dauer und das Recht der Vertheilung, und wenn das Volk durch die Herakliden, oder durch die Bundesräthe, oder durch die Volksversammlungen zu einem Entschlusse kam, so war es nicht anders, als wenn der Bundesrat zu einem Entschlusse kam, so war es nicht anders, als wenn der Bundesrat zu einem Entschlusse kam.

第 1 次 第 2 次 第 3 次 第 4 次 第 5 次 第 6 次 第 7 次 第 8 次 第 9 次 第 10 次

Гравюра в лейпцигском еженедельнике „*Illustrierte Zeitung*“ № 197, от 10 апреля 1847 г.

и влиятельнейшего «социалиста» во Франции. Отношение к нему у Белинского самое критическое. Он называет его презрительно «Блашкой», о книге его, — о первом томе «Истории французской революции» отзываясь как о «прескучной и прешошлой книге». Крупнейшую ошибку Луи Блана Белинский видит в его исторической характеристике буржуазии. Он пишет: «Буржуазии у него еще до сотворения мира является врагом человечества и конспирирует против его благосостояния, тогда как по его же книге выходит, что без нее не было бы той революции, которою он так восхищается, и что ее успехи — ее законное приобретение. Ух, как глуп — мочи нет!» («Письма», III, 245—246).

Белинский сразу вскрыл слабейшую сторону в книге, претендовавшей на историческую научность. Эта книга только что вышла в свет. Почти одновременно с ней вышла и другая книга — о Великой французской буржуазной революции: «История Жирондистов» Ламартина. Автор был не только историком романтической школы. Он был в это время и виднейшим политическим деятелем Франции, одним из лидеров либерально-буржуазного движения.

Белинский читал в Дрездене и эту книгу. Ламартина, распускавшего тогда павлиньи перья красноречия, он называет «Ламартинишкой», а о книге его пишет: «... не знаю, почему он на одной странице говорит умные и хорошо выраженные вещи о событии, а на другой спешит наболтать глупостей, явно противоречащих уже сказанному, — потому ли что он умен только вполтину, или потому, что, надеясь когда-нибудь попасть в министры, хочет угодить всем партиям. Надоели мне эти ракалии: плачу от скуки и досады, а читаю!» («Письма», III, 246).

В изумлении останавливаешься перед гениальной прозорливостью Белинского! Ведь он по «исторической» книге Ламартина совершенно точно предсказал его будущую роль как министра Временного правительства в 1848 г. и определил самую суть либерального соглашательства.

У нас складывается довольно выразительная картина жизни Белинского в Германии. За один месяц, отбывая принудительный лечебный режим, знакомясь на прогулках с окрестностями Дрездена и Зальцбрунна, осматривая музеи, Белинский написал знаменитое письмо к Гоголю, прочитал только что вышедшие, объемистые, исторические работы Луи Блана и Ламартина. Это не мало. Присоединить к этому надо длительные беседы с Тургеневым и Анненковым, которые были для Белинского подробной информацией о той стороне современной политической жизни, которая очень мало, очень скудно отражалась в газетах и журналах Западной Европы. Никаких записей этих бесед не сохранилось, да и не было. Они были своего рода подготовкой к пребыванию Белинского в Париже. Однако кое о чем можно догадаться.

Из Германии Белинский с Анненковым поехали в Париж через Бельгию. Они пробыли один день в Брюсселе. Как ни краток этот срок, мы посвятим ему особую главу.

IV

Впечатления Белинского от Брюсселя в его письме к М. В. Белинской ограничиваются тем, что он и Анненков «были в соборе, куда попали на отпевание покойника» («Письма», III, 247). Это дает повод Белинскому к остроумным замечаниям о католических и православных попах.

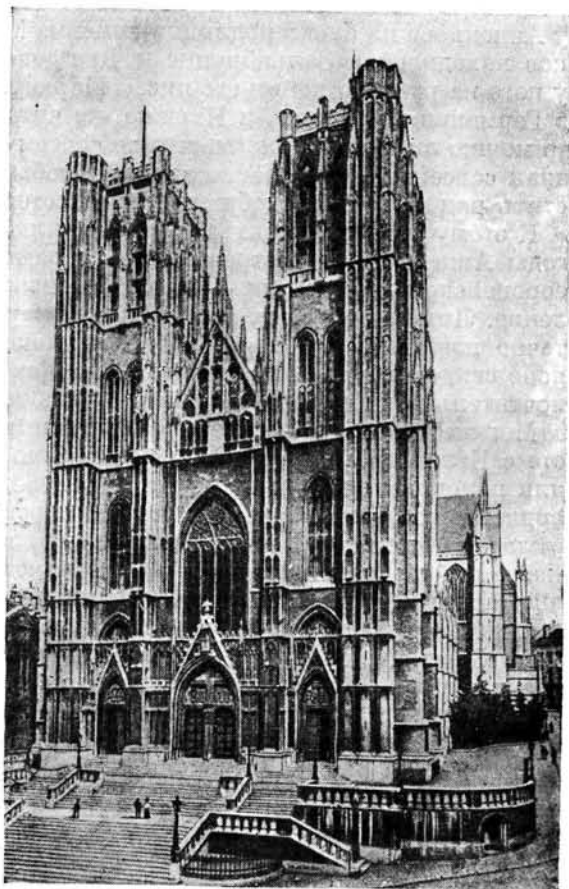
Самый большой и самый старинный собор в Брюсселе, куда и направляют посетителей все путеводители по городу, начат был постройкой в XIII в. и посвящен св. Михаилу и св. Гудуле. Но нас в настоящее время интересует совсем не эта старина. Не исключена возможность того, что Анненков, хорошо знавший Брюссель, привел Белинского к собору не для того,

БРЮССЕЛЬ. СОБОР

Фотография

«...Потру мы пустились по железной дороге на Брюссель, куда и прибыли вечером. В Брюсселе ночевали и провели следующий день... Были в соборе...» (из письма Белинского к жене от 22 июля/3 августа 1847 г.)

Институт литературы АН СССР,
Ленинград

чтобы знакомить его со старинной архитектурой. Площадь св. Гудулы интересна и другой своей стороной.

Она представляет хорошо сохранившийся уголок старинного, средневекового Брюсселя. Окружена она переплетом кривых узких улиц и переулков. Одна из таких улиц, выходящих на площадь, теперь занята зданием Национального банка. Сто лет назад здесь стояли небольшие, узкие домики, — среди них отель св. Гудулы. В одном из таких домиков жил Карл Маркс. Он временно занимал помещение и в отеле, — когда был арестован там жандармами и выслан затем из Бельгии.

Анненкову был хорошо знаком дом, в котором жил Маркс на площади св. Гудулы. Анненков бывал в этом доме. Там завязалось их знакомство. Памятником его осталось известное письмо Маркса Анненкову о книге Прудона «Философия нищеты».

Переписка между Анненковым и Марксом хорошо известна (мы цитируем ее ниже по изданию «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», Госполитиздат, 1948). Отметим лишь ее дату. Анненков обратился к Марксу 1 ноября 1846 г. Маркс ответил 28 декабря. Второе письмо Анненкова помечено 6 января 1847 г.

Таким образом, переписка о книге Прудона, представляющая значительное событие в жизни Анненкова, имела место всего за полгода до встречи его с Белинским и проезда через Брюссель. Нельзя допустить, что Анненков запамятовал о ней. Еще в меньшей мере можно допустить, что Аннен-

ков почему-либо пожелал скрыть ее от Белинского. Мы не знаем, был ли у Анненкова на руках подлинник письма Маркса в то время, когда Анненков находился в Зальцбрунне и Дрездене с Белинским, находились ли у него на руках и копии его писем Марксу. Но если Белинский ни тогда, в Германии, ни позже, в Париже, не читал непосредственно этих писем, то можно ли предположить, что он совсем не был знаком с ними, так и не знал совсем об их существовании? Чтобы предположить это, надо допустить ряд неправдоподобных случайностей.

К этому надо прибавить, что из всех людей, с какими встречался в эти годы Анненков, — а встречался он с самыми видными представителями европейской демократии, — Маркс произвел на него наибольшее впечатление. Литературный портрет Маркса, нарисованный Анненковым, достаточно известен. Это портрет революционера, сделанный либералом. Он ясно свидетельствует о том, что Анненков относился к Марксу не только почтительно, но и подобострастно — и в то же время побаивался Маркса.

Мог ли Анненков, — словоохотливейший собеседник, — проживший вместе с Белинским целый месяц в довольно скучной обстановке санатория или пансиона, не поделиться и этими своими впечатлениями от Маркса, виднейшего деятеля революционной европейской демократии? Никак не укладывается это в рамки наших представлений и о Белинском и об Анненкове. А если Анненков рассказал Белинскому хотя бы отчасти то, о чем впоследствии написал в «Воспоминаниях», — и о том, как пришел он впервые к Марксу, как присутствовал на заседании Корреспондентского комитета и был свидетелем идейного разрыва между Марксом и Вейтлингом, как держал себя при этом Энгельс и т. д., — то легко предположить, что Белинского на площадь св. Гудулы привело не только туристское любопытство к старинному собору.

Но Маркс в это время уже не жил на улице дю Боа Соваж, выходящей на площадь св. Гудулы. Он переехал на улицу Орлеана. Другое событие могло и должно было привлечь к себе внимание Анненкова и Белинского, — тоже связанное с именем Маркса.

Анненков знал, что Маркс пишет книгу, которая должна быть ответом на книгу Прудона. Во втором своем письме к Марксу Анненков писал: «Мне нечего повторять Вам, с каким нетерпением я жду выхода Вашего сочинения». Оно как раз и вышло в свет накануне посещения Белинским Брюсселя. «Нищета философии» была последней новинкой в витринах книжных магазинов Брюсселя. Неужели Анненков и Белинский не остались ни разу перед этими витринами?

Всякие попытки ответить на этот и другие, ему подобные, вопросы были бы только догадками, более или менее вероятными. Но нет нужды догадываться о том, какое представление о Марксе внушал Белинскому Анненков, если у них шла речь о Марксе и Энгельсе, о коммунистах вообще и о немецких коммунистах в частности.

Анненков читал Маркса, писал Марксу, бывал у Маркса — и совершенно не понимал Маркса, был ему совершенно чужд.

Первое письмо к Марксу показывает, что душа Анненкова раздвигалась между Прудоном и Марксом. Анненков находил путаницу в философских взглядах Прудона, но заявлял: «...экономическая часть кажется мне поистине необычайно сильной».

Маркс, повидимому, считал, что его русский корреспондент не безнадежен. Он обстоятельно доказал, что экономическая часть в произведении Прудона столь же слаба, как и философская.

Убедил ли он Анненкова? Нисколько. Правда, этот как будто весьма любознательный писатель рассыпается в комплиментах перед Марксом. Но тут же раскрывает полностью и свою вражду к марксизму и свою натуру заурядного либерала. Он пишет Марксу: «Я все чаще задаю себе

вопрос, не предполагает ли коммунизм отказа от некоторых преимуществ цивилизации, отречения от некоторых прерогатив личности, завоеванных с таким трудом, и, наконец, не предполагает ли он весьма трудно достижимого высокого уровня всеобщей нравственности. Конечно, и в этом случае он прекрасен, но он перестает тогда быть необходимым продуктом человеческого развития. Его придется насаждать с таким же расчетом на успех, как и при всяких опытах, при всяких новшествах, принудительно вводимых в обществе. Некоторые возражения Прудона все еще засели у меня в голове, но я чувствую, как все это ничтожно...»

Картина ясная: прочитав замечательное письмо Маркса, Анненков не понял и не принял основного в нем — исторического материализма. Ему чужда была революционная диалектика исторического процесса. Научный социализм он принял за новую разновидность социализма утопического. Анненков не нашел ничего лучшего, как повторить плоские буржуазные возражения против коммунизма. Он понимал, впрочем, как будет принято Марксом его письмо и закончил его словами: «Предоставляю на полное Ваше усмотрение, давать или не давать мне объяснений по этим вопросам».

Само собой разумеется, Маркс не ответил. Дальнейшие объяснения были бесполезны. Знакомство, впрочем, продолжалось.

Таким образом, если уже в Германии Белинский и узнал о борьбе между Прудоном и Марксом, то, возможно, узнал только со слов Анненкова, в его пристрастном освещении, и самый образ Маркса предстал перед ним, преломленный сквозь либеральную призму Анненкова.

Обратим внимание — для дальнейшего, — что в письме Маркса к Анненкову выделяются, как одно из значительнейших мест в этом письме, слова Маркса об исторической роли буржуазии в европейских революциях. Маркс писал: «...г. Прудону принадлежит заслуга быть научным истолкователем французской мелкой буржуазии; это — действительная заслуга, потому что мелкая буржуазия явится составной частью всех грядущих социальных революций».

Вопрос о социальных революциях, о движущих силах этих революций, об исторической роли пролетариата и буржуазии, — это и был главный среди тех «великих вопросов», которые, по словам Белинского, занимают Европу, и следить за которыми, интересоваться которыми можно и должно передовому русскому человеку, но искать решения которых надо «у себя, в себе, вокруг себя», в России, не подражая слепо, не принимая этих вопросов огульно, как собственных русских, а усваивая «только то, что применимо к нашему положению».

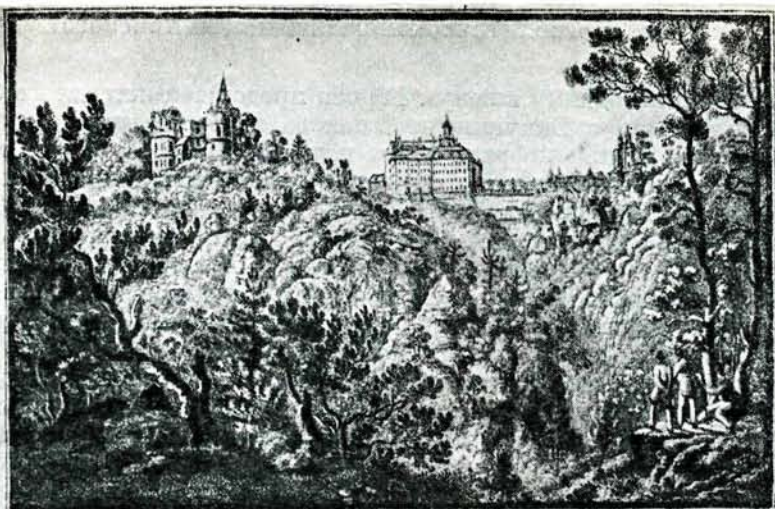
С такими мыслями и настроениями Белинский приехал в Париж.

V

Врачи направили Белинского в санаторий известного медика Тира де Мальмор в Пасси, район Парижа, в 4—5 километрах от авеню Мариньи, где жил Герцен. Лечение оставляло Белинскому достаточно времени для осмотра Парижа, посещения музеев, прогулок. Анненков бывал у него ежедневно.

Встреча со старыми друзьями, — с Бакуниным, Герценом, Сазоновым, — была радостна. Вспоминались молодые годы, кипучие беседы, страстные споры. Но обнаружили и расхождения. Бакунин и Сазонов уже давно находились за границей и полностью вошли во французскую жизнь. Герцен приехал недавно, но и его поглотили новые для него интересы напряженной политической борьбы.

Когда у Герцена, после первых дней пребывания в Париже, начались «серьезные разговоры» с Бакуниным и Сазоновым, то он обнаружил, что

Fürstenstein.

[illegible]

АВТОГРАФ ЦИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ЖЕНЕ ОТ 16/28 ИЮНЯ 1847 Г. ИЗ ЗАЛЬЦБРУННА

На почтовой бумаге изображен замок Фюрстенштейн близ Зальцбрунна

«...По причине гнусной погоды мы успели сделать только две прогулки в окрестности, которые удивительны. Одну — в замок Фюрстенштейн, против которого находятся развалины средневекового рыцарского замка, как можно сама видеть на картинке второго листа моего письма», — писал Белинский

«мы строены не по одному ключу». Герцен продолжал жить всего больше интересами России, а Бакунина и Сазонова всего больше интересовала «всемирная революция» и французские дела. По словам Герцена, «они относились к России как-то теоретически и по памяти, придающей искусственное освещение всякой дали».

Герцен замечал это и в других русских людях, прижившихся за границей. «Меня особенно сердили тогда две меры, — пишет Герцен, — которые прилагали не только Сазонов, но и вообще русские к оценке людей. Строгость, обращенная на своих, превращалась в культ и поклонение перед французскими знаменитостями» («Былое и Думы», гл. LXI).

В частности, Сазонов относился к Белинскому с обидной снисходительностью, как к русскому провинциалу, попавшему в блестящую столицу Франции. Сазонов сожалел, что Белинский возвращается в Россию, к своим литературным делам, казавшимся Сазонову да и Бакунину столь бледными, незначительными в сравнении с тем, что делается в Западной Европе.

Герцен признается, что и он сначала поддался этим настроениям, которые в переводе на наш современный политический язык означают низкоклонство перед иностранщиной. Но он вскоре отделался от них и даже стал перегибать палку в обратную сторону. Во всяком случае, он хорошо понимал, почему Белинского и в Париже непрестанно тянуло в Россию, почему интереснейшие события, происходившие в Париже на глазах у Белинского, не могли ни на минуту отвлечь его от мыслей о родине.

Белинского должен был раздражать космополитизм его друзей, их безразличное, скептическое отношение к судьбам России. Он писал Кавелину уже по возвращении из Парижа и, повидимому, под впечатлением парижских встреч: «...признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные люди, беспачпортные бродяги в человечестве» («Письма», III, 300).

Это была серьезная размолвка с прежними друзьями — с Бакуниным и Сазоновым, — к тому же не единственная размолвка. Обнаружились и другие серьезные разногласия. Источником их было различное отношение как раз к явлениям западноевропейской жизни. Глубочайший интерес к России, к судьбам русского народа ни в какой мере не мешал Белинскому внимательно присматриваться к тому, как решаются во Франции «новые великие вопросы». Напротив, именно «важные вопросы» русской жизни, тревожившие Белинского и за границей, заставляли волноваться и решением «новых великих вопросов» в Западной Европе, потому что жизнь показывала тесную связь между этими двумя категориями вопросов. Речь шла о том, что именно из западноевропейского опыта приложимо к России.

Еще до приезда в Париж Белинский, как мы знаем, предвидел, что ему придется в Париже только и «слышать что о воре Тесте и других ворах, конституционных министрах». Он приготовился заранее скучать. Действительность с избытком оправдала его ожидания, но скучать не пришлось.

Тест был министром общественных работ, председателем одной из палат кассационного суда, пэр Франции. Он получил взятку в 100 тысяч франков за предоставление концессии на Гуэнанские соляные копи, причем посредником в этой сделке был другой пэр Франции, генерал Кюбьер, дважды занимавший пост военного министра. Дело получило столь скандальную огласку, что не удалось замазать его, как десятки других, подобных дел. Тест и Кюбьер были арестованы и заключены в Консержери. Об их деле шумела вся мировая печать. В первые же дни пребывания Белинского в Париже он мог видеть расклеенные на стенах правительственные афиши, излагавшие приговор палаты пэров. А еще через несколько дней Тест был по болезни освобожден из тюрьмы под залог в 94 тысячи

франков, помещен в санаторий Тира де Мальмор и оказался соседом Белинского. Дело Теста не было единичным. Французские газеты в августе—сентябре 1847 г. заполнены сообщениями о новых разоблаченных преступлениях виднейших сановников Франции. Раскрыто массовое хищение на почте. Проворовалось начальство крупнейшего военного госпиталя. Левая буржуазная газета «*La Réforme*», издававшаяся Эмилем Жирарденом, завела специальную рубрику: «скандалы». Печатались такие заметки: «Великосветская дама получила бриллиантовое кольцо в связи с концессией на рудники в Алжире»; «Говорят, что капиталисты подарили княгине Ливен, приятельнице Гизо, алмаз в 100 тыс. фр. за ее услуги по переводу Николаем I 50 мил. франков во Французский банк» (15 августа).

В течение нескольких дней парижские газеты неистово шумели по поводу сенсационного убийства герцогом Шуазель-Прален своей жены. Супруги принадлежали к «высшим» сферам аристократической Франции. Герцог был пэром. Убийство было совершено самым зверским способом, и убийца сначала отрицал свою вину. Нельзя было его арестовать и предать суду без разрешения палаты пэров. Власти пытались было замять дело, палата разбирала его при закрытых дверях. «*La Réforme*» и другие газеты были привлечены к суду за возбуждение классовой и социальной вражды. Газете «*La Réforme*» в особенности ставилось в вину то, что она сопоставила с убийцей-пэром двух казнокрадов-пэров и отсюда сделала вывод о разложении и преступности правящих кругов Франции. Герцог Шуазель-Прален покончил с юридической стороной дела, приняв яд в тюремной камере. Но политическая сторона на этом не прекратилась. Судебные процессы газет волновали публику. Эмиля Жирардена защищал Ледрю-Роллен. Его речь была политическим выступлением.

Повальная уголовщина правящей буржуазии превращалась в политическое явление и становилась источником политической борьбы. Это происходило на глазах Белинского. Маркс в статьях «Классовая борьба во Франции» писал об истоках революции 1848 г.: «Не участвовавшие во власти фракции французской буржуазии кричали: „разврат!“, а народ кричал: „долой крупных воров! долой убийц!“ — когда в 1847 г. на самых высоких подмостках буржуазного общества публично разыгрывались те самые сцены, которые обыкновенно толкают люмпенпролетариат в дома призрения, богадельни и желтые дома, приводят его на скамье подсудимых, на каторгу и на эшафот. Промышленная буржуазия увидела угрозу ее интересам, мелкая буржуазия была нравственно возмущена, народная фантазия негодовала» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. VIII, стр. 7).

Все это было логически-историческим следствием брошенного июльской монархией лозунга: обогащайтесь! Банкиры богатели. Но народное хозяйство переживало жестокий кризис. Рост дороговизны сопровождался обнищанием рабочего класса. Газеты того времени пестрят сообщениями о разгромах булочных голодной толпой. Рядом с рубрикой «скандалы» газета «*La Réforme*» завела рубрику: «банкротства».

О революции еще не говорили за полгода до революции. Но вопрос о правящей крупной буржуазии был поставлен в порядок политического дня. Белинский приехал в Париж как раз в разгар оппозиционно-буржуазного банкетного движения. Первый банкет в Париже в Шато Руж состоялся в июле. Несмотря на весьма умеренный характер речей, он наделал много шума. Движение перебралось в провинцию. При Белинском состоялись банкеты в Мансе, Страсбурге, Бордо, Тулузе и других городах. Газеты печатали пространные отчеты, приводили некоторые речи полностью. Ораторами на этих банкетах были будущие деятели и актеры февральской революции: Одилон Барро, Гарнье Пажес, Ламартин, Ледрю-Роллен.

В основном руководила банкетами династически-оппозиционная буржуазия. Произносились тосты за короля Луи-Филиппа и за расширение

избирательных прав. Однако постепенно стали прорываться и другие нотки, в которых ничего революционного не было, но звучал более настойчивый голос недовольства, и выдвигались требования в пользу трудящихся. Буржуазия тщательно ограждала свои права на этих банкетах. Рабочие не допускались. Все же были произнесены тосты за «организацию труда» — лозунг Луи Блана, а в газетах появились «непроизнесенные речи», в которых говорилось о распространении избирательных прав на весь народ и об улучшении положения трудящихся.

Покуда выступления против финансовой аристократии исходили от самой же буржуазии, власти не проявляли особого беспокойства. Но первые же признаки того, что зашевелился и рабочий класс, вызвали тревогу и в правительстве и среди оппозиционных кругов буржуазии. Когда типографские рабочие в Париже собрались на свой ежегодный банкет, полиция разогнала их грубейшим образом. Полиция стала вмешиваться и в экономические стачки рабочих.

В газете «*La Réforme*» 8 августа появляется передовая статья «Работы или хлеба!» В том же номере сообщается, что в городах департамента Луары фабриканты заключили коалицию против рабочих. Газета восклицает: «Рабочие тоже граждане!» Вместе с тем появляется в этой газете 18 августа большая статья под заглавием «Единство буржуазии и рабочего класса». Автор говорит о том, что борьбу надо вести не против всей буржуазии, а против крупных хищников, спекулянтов, биржевых королей.

Завязывается полемика на банкетах между различными группами оппозиционной буржуазии. Левые группы упрекают умеренных либералов в том, что они игнорируют народ и враждебны трудящимся.

Таким образом, борьба против существующего режима начинается с борьбы внутри буржуазии. Энгельс пишет в статье «Революционные движения 1847 года»: «...во Франции приближается момент начала той борьбы внутри буржуазного класса, которая в Англии почти уже закончилась. Разница лишь в том, что во Франции, как всегда, положение имеет гораздо более резко очерченный революционный характер. Но такое решительное разделение на два лагеря является тоже прогрессом буржуазного порядка» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. V, стр. 246).

Народ тогда еще «безмолвствовал». Рабочие не выступали как самостоятельная сила, со своей программой, со своей партией. Но это не значит, что они относились безучастно к происходящим у них на глазах событиям. Здесь надо упомянуть о взволновавших весь Париж происшествиях на улице Сент Оноре.

Они оставили след в письмах Белинского. Когда он возвращался в Россию, произошла у него по пути встреча в Кельне с каким-то русским пассажиром, ехавшим тоже из Парижа. Белинский рассказывает: «Вдруг один из пассажиров говорит мне по-русски: „вы верно из Парижа выгнаны, подобно мне, за то, что смотрели на толпы в улице Saint-Honoré?“ Завязался разговор...» («Письма», III, 263).

Улица Сент Оноре находится в самом центре Парижа, тянется почти на четыре километра от авеню Ваграм до Центрального рынка, проходит отчасти параллельно Елисейским полям. Она находится вблизи Тюльери, Луврского музея. На своем протяжении она минует Вандомскую площадь, вблизи которой в это время проживал Герцен. Белинскому все эти места были хорошо знакомы. Он называет их в своих письмах.

31 августа «*La Réforme*» сообщает среди «Разных новостей»: «Многочисленная толпа собралась сегодня вечером на улице Сент Оноре. Приписывают причину ссоры конфликту между хозяином сапожной мастерской и его рабочими из-за заработной платы. Прибыли вооруженные полицейские. Поставлено на ноги большое число солдат. Спокойствие восстановлено. У нас нет более подробных сведений».

Через два дня, 2 сентября, «La Réforme» отводит происшествию на улице Сент Оноре больше места. Газета пишет: «Как назвать то, что в течение трех дней происходит на улице Сент Оноре, в центре Парижа? Восстание? Ничуть. Сходки? И это—преувеличение. По вечерам от улицы де Кок до улицы де Л'Арбр-Сек закрываются магазины; прохожие останавливаются; появляется полиция; за ней муниципальная гвардия; задерживают и отводят в ближайшие участки несколько неосторожных любопытных; затем движение возобновляется, каждый идет своим путем. Мы сообщали, что речь идет о конфликте из-за заработной платы между хозяином и его рабочими. Но теперь сцены на улице Сент Оноре приняли совсем иной характер. В чем же дело? Полиция обнаруживает чрезвычайное усердие;

ДРЕЗДЕН. КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ

Литография 1840-х гг.

«...Часов в 11 утра... мы были в Дрездене. Город старый, оригинальный. Пошли ходить... На другой день... мы ездили за город... На третий пошли в галерею» (из письма Белинского к жене от 5 июня/24 мая 1847 г.)

Институт литературы АН СССР, Ленинград

пешая муниципальная гвардия производит много арестов; конная галопирует и производит эффектные маневры по улицам. Чего они хотят? Восстания? Его не будет. Его хотят вызвать? Его не будет. Провокация слишком груба...»

На следующий день, 3 сентября: «На улице Сент Оноре происходят необъяснимые сцены». Картина та же. Собираются толпы, полиция их разгоняет, арестует десятки и сотни лиц. Жандармы избивают мирных прохожих. Улицы напоминают военный бивуак. Всюду патрули. «La Réforme» говорит, что картина напоминает 1830 год. Повидимому, догадывается газета, правительство хочет «варварами» (т. е. рабочими) запугать буржуазию. Орган левой буржуазии не может скрыть недовольства непрощенным выступлением толпы, в которой преобладают блузники. Она вскользь отмечает любопытную черту: национальная гвардия неохотно принимает участие в усмирении толпы, местами отказывается разгонять ее. Национальные гвардейцы говорят: «Нам не за это платят». Так продолжается до 6 сентября, когда волнения на улице Сент Оноре прекращаются сами

собой. Официозы правительства, как это принято в таких случаях, сваливают всю вину на «иностранцев», которые будто бы составляли пятую часть всех участников.

Иностранцев выслали, — среди них оказался и собеседник Белинского. А арестованных французов приговорили к денежному штрафу и к тюремному заключению на разные сроки.

Таковы эти происшествия на улице Сент Оноре. Нам ныне ясно, что это были первые зарницы надвигавшейся революции. Но это было совсем неясно современникам. Толпа держала себя пассивно. Она не оказывала общего сопротивления полиции и войскам, происходили лишь отдельные схватки. Буржуазия была напугана не в меньшей степени, чем правительство. Газеты ничего не сообщают о возгласах толпы, которые прозвучали бы как лозунги, как требования. Маркс пишет, что народ кричал: долой крупных воров! долой убийц! Но неизвестно, относится ли это к толпам, которые собирались в августе и сентябре на улице Сент Оноре.

Во всяком случае, все то, что происходило в Париже и во всей Франции в это время и чему непосредственным свидетелем был Белинский, давало богатую пищу для наблюдений и размышлений. Совершенно конкретно, наглядно был поставлен событиями вопрос об исторической роли буржуазии, о том, что вообще она собой представляет, об отношении ее к народу, к рабочему классу. Это был вопрос об основных, движущих силах исторического процесса, о старом и новом порядке, — о капитализме и социализме. Те «новые великие вопросы», которые стоят перед Западной Европой и о которых писал Белинский, еще находясь в России, — они встали перед ним в живой форме, в плоти и крови. Можно ли представить себе, что он не интересовался этими вопросами, не старался их осмыслить по-своему? Как мог бы он уклониться от решения этих вопросов, — в плане теоретическом, — когда именно об этом шли оживленные и страстные споры во всех передовых кружках Парижа и, уж само собой разумеется, в русском кружке друзей Белинского.

VI

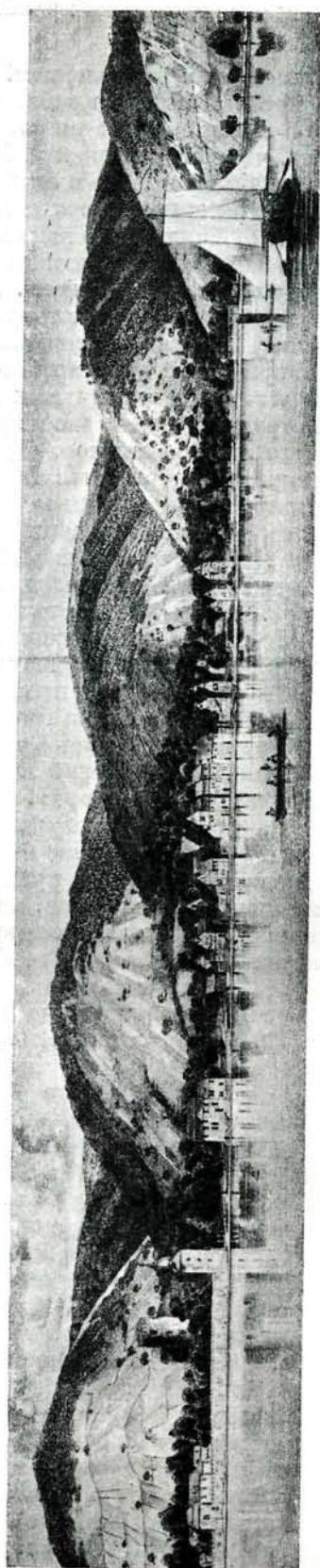
Газета «La Réforme», которую издавал Эмиль Жиарден при ближайшем участии Этьенна Араго, была тогда самой левой газетой в Париже. Направление, к которому она принадлежала, называли социал-демократическим. Оно ничего общего не имело с позднейшей социал-демократией.

В разделе «Манифеста Коммунистической партии» об отношении коммунистов к различным оппозиционным партиям сказано: «Во Франции, в борьбе против консервативной и радикальной буржуазии, коммунисты примыкают к социалистическо-демократической партии, не отказываясь тем не менее от права относиться критически к фразам и иллюзиям, протекающим из революционной традиции».

К словам «социалистическо-демократическая партия» Энгельс в 1888 г. сделал такое примечание: «Эта партия была тогда представлена в парламенте Ледрю-Ролленом, в литературе — Луи Бланом, в ежедневной печати — газетой „La Réforme“. Название — социалистическо-демократическая — означало, что эта часть демократической или республиканской партии, как и авторы этого названия, была более или менее окрашена в социалистический цвет».

Несомненно, Белинский в Париже читал «La Réforme», был, во всяком случае, с этой газетой знаком. 30—31 июля, на другой или на третий день по приезде Белинского в Париж, на последней странице «La Réforme» (сдвоенный номер) появилось такое объявление:

«Поступила в продажу в магазине А. Франка книга: Карл Маркс „Нищета философии“, ответ на „Философию нищеты“ Прудона. Цена 5 франков».

БЕРЕГА РЕЙНА

Литографии из «Панорамы Рейна» (между Майнцем и Кобленцем), издание Ф. Фогеля, 1833 г.

Сверху — правый берег, литография А. Файя с рисунка Я. Дильмана; снизу — левый берег, автолитография Я. Беккера

«...Из Майнца отправившись на пароходе по Рейну. День был гнусный: осенний мелкий дождь, ветер, холод. Взяте душно, на палубе мокро, сыро и холодно. ... Все это сделалю то, что я холодно смотрел на удивительные местоположения, на виноградники, на средневековые замки, как реставрированные, так и в развалинах. Вечером прибыли в Кельн...» (из письма Бетлинского к жене от 3 августа/22 июля 1847 г.)

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Газета ограничилась этим объявлением. Она поместила несколько рецензий на книги, которые вышли приблизительно в то же время, что и книга Маркса. Но о ней не сказала ни слова.

Можно допустить, что историческая работа Маркса не нашла должной оценки, попросту не была понята в литературных и политических кругах Парижа. Почва не была подготовлена для глубокой теоретической работы во французском «социалистическом» движении того времени. Умами передовых рабочих владела лублановщина. Споры в основном шли между сторонниками Луи Блана и Прудона. На того и другого распространяется в общем та характеристика, которую Маркс и Энгельс дают в «Манифесте» критически-утопическому социализму. Луи Блан и Прудон различались тем, что первый предполагал заменить капиталистический строй социалистическим в виде «национальных мастерских» при помощи государства; а второй отрицал государство и проповедывал замену существующего экономического и политического строя кооперацией ремесленников и мелких хозяйчиков при посредстве Национального кредитного банка. Оба выражали чаяния и вожделения мелкой буржуазии.

Положительной стороной в их учении была резкая критика. «Эти сочинения, — сказано в „Манифесте“, — нападают на все основы существующего общества». Луи Блан и Прудон гневно обличали буржуазию, видя в ней все пороки политического и социального режима и не проводя никаких различий между различными группами в ней.

Среди французских рабочих идеи Маркса и Энгельса не имели тогда заметного успеха. Но они успешно проникали в немецкие эмигрантские рабочие кружки в Париже. Там шли горячие споры между сторонниками и противниками Прудона. Находясь в Париже, Энгельс довольно обстоятельно информировал Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет (Маркса) об этих спорах. Наиболее упорным сторонником Прудона был Грюн, переводивший «Философию нищеты» на немецкий язык еще до ее выхода в свет. Энгельс сообщает в октябре 1846 г.: «План ассоциации Прудона обсуждался в продолжение трех вечеров. Вначале против меня была почти вся группа, а в конце только Эйзерман и три остальных грюнианца. Самое главное при этом было <доказать> необходимость насильственной революции и вообще показать антипролетарский, мелкобуржуазный, филистерский характер грюновского истинного социализма, который нашел новые жизненные силы в прудоновской панацее» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. XXI, стр. 48).

В этих спорах прудонизм был прямо противопоставлен коммунизму.

Победителями вышли сторонники научного коммунизма.

Дело было не только в теоретической несостоятельности прудоновской мелкобуржуазной утопии. Важнее было для данного момента враждебное отношение прудонистов ко всякому политическому и, особенно, революционному движению рабочих, их стремление притупить классовую борьбу и примирить классовые противоположности.

Были ли парижские друзья Белинского осведомлены об этих спорах между прудонистами и марксистами? Несомненно. Бакунин и Сазонов поддерживали самые тесные и приятельские отношения со всеми передовыми деятелями Парижа. Они, как и Анненков, были непосредственно знакомы с Марксом и Энгельсом. Бакунин проводил долгие часы в беседах с Прудоном. Белинский называл Бакунина «немцем», указывая тем на его старое пристрастие к немецким младогегелианцам. Но в эту пору Бакунин был увлечен Прудоном. О Марксе он отзывался критически и обвинял его в том, что он портит рабочих и делает их «резонерами».

Среди друзей Белинского в Париже обозначились расхождения как раз по тем вопросам, по которым шли споры между прудонистами и их

DEUTSCH-FRANZÖSISCHE

JAHRBÜCHER

herausgegeben

von

Arnold Ruge und Karl Marx.

1ste und 2te Lieferung.

PARIS,

IM BUREAU DER JAHRBÜCHER.
AU BUREAU DES ANNALES

RUE VANNEAU, 22.

1844

✕ VOLTAIRE, SCHILLER UND GOETHE.

Die D. A. Z. vom 8ten spricht nochmals ihre Entrüstung über die unpatriotischen Dresdner Tichborne aus, und erklärt, sie hätte ja nichts gegen das Essen, aber alles Mögliche gegen das Reden dabei. Der Korrespondent beschwert sich in Einem Athem über die Schlechtigkeit, die deutsche Sprache «unklar» zu nennen, und über das Missgeschick, mit seiner deutschen Entrüstung dem Publikum das erste Mal «unklar» geblieben zu sein. Wir, die wir die Schwierigkeit, im Deutschen vollkommen klar zu sein, nicht verkommen, hoffen dennoch, auf den ersten Wurf verständlich zu werden, wenn wir die Obren des Herrn Korrespondenten, der die Dresdner Reden gehört hat, übel gebildet, sein Herz aber, das nicht gleich überlief, sehr unschlüssig finden. Er hätte gleich den Beweis liefern müssen, dass er bei aller Deutschnheit wisse, was «Geist» sei. Er that es nicht, und es wäre so leicht gewesen: um es zu wissen, bräuhle er nur «Voltaire» zu kennen. Alsdann hätte er es auch nicht für einen Vorwurf, sondern für einen grossen Tuhm gehalten, Voltaire's Nachfolger zu sein; denn das bedeutet nichts Geringeres, als Geist haben und sein Jahrhundert beherrschen. Voltaire verdient den Hass der Beschränktheit in ganz Europa; und dass er ihn geniesst, beweist nur seine Grösse. Göthe und Schiller haben das Jahrhundert der Aufklärung hinter sich, und sie werden nur deshalb nicht mit derselben Verfolgung beehrt, weil weiter ihr Princip noch ihre Konsequenzen so schlagend hervortreten. Zudem ist kein Dichter primitiv. Er hat die alte Welt nicht zu zerstören. Sein Beruf ist es nicht, Principien zu finden, sondern sie *auszubilden* und an die Massen zu bringen. Primitiv sind nur diebecker. Ein grosses Princip durchzuführen ist aber natürlich eben so ehrenvoll, als es aufstellen. Uebrigens ist es sehr begreiflich, dass die Fabel, Voltaire sei eigentlich ein Affe gewesen, dem Correspondenten der D. A. Z. zusagt: so braucht sogar er nicht zu verzweifeln, noch einmal ein grosser Schriftsteller zu werden.

Die BEILAGE DER AUGSBURGER ZEITUNG VOM:

Weiss mir keiner das Meer von Theologie zu erklären?

Seckrank macht mich der Donsch, welcher die Zeitung erfüllt! —

«Schwaben nennt man das Meer. Vienne führen die Kiele:

«Jeder im Archipel sucht nach der Insel — Harret.»

ЭКЗЕМПЛЯР ИЗДАННОГО А. РУГЕ И К. МАРКСОМ СБОРНИКА «НЕМЕЦКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ЕЖЕГОДНИКИ»

ИЗ БИБЛИОТЕКИ БЕЛИНСКОГО

Титульный лист и страница 231 книги с пометками Белинского

Музей И. С. Тургенева, Орел

противниками. К Луи Блану все относились отрицательно. Мы знаем отзыв о нем Белинского. Луи Блан был решительным врагом революционных выступлений со стороны рабочего класса и олицетворением политического компромисса. Не случайно газета «La Réforme», писавшая сочувственные рабочим статьи, так встревожилась, когда в событиях на улице Сент Оноре ей почудилось самостоятельное выступление рабочих.

Луи Блан не имел сторонников в русском передовом кружке. Весь кружок был на стороне Прудона. Об этом уже сказало нам письмо Анненкова Марксу. Однако наметились и разногласия, происходили споры. Все друзья Белинского, и сам он, были страстными спорщиками.

В центре разногласий был вопрос о буржуазии. В письме Белинского к Боткину, написанном в декабре, когда Белинский уже вернулся в Петербург, есть указание на то, как разместились спорящие стороны. Герцен нападал на буржуазию с позиций прудоновских, отрицая какие бы то ни было исторические заслуги буржуазии в прошлом, не видя ничего за ней в будущем, — словом, рассматривая буржуазию не как историческое явление, изменяющееся во времени, а как некую раз навсегда данную отрицательную категорию.

Исторический схематизм был ошибкой Герцена. Эту сторону в учении Прудона критиковал Маркс. Неизвестно, ссылались ли на Маркса спорящие; книга его только что вышла, — можно даже предположить, не рискуя впасть в грубую ошибку, что она и могла дать повод к спорам. Белинский ни разу не упоминает имени Маркса, как, впрочем, не называет и имени Прудона. Дело не в этом. На схематизм в определении буржуазии, на спорность его могли указать русские друзья Белинского совершенно самостоятельно. Белинский пишет: «Это ему тогда же заметил Сазонов, сторону которого принял Анненков против Мишеля <Бакунина>..., и Герцен согласился с ними против него» («Письма», III, 328).

Стало быть, расстановка такова: Герцен с Бакуниным против Сазонова и Анненкова. При этом Бакунин обнаружил такую способность доводить спорные положения до крайности, что Герцен вынужден был отмежевываться от своего сторонника. С кем был в этом споре Белинский? Сначала — с Бакуниным и Герценом. Впоследствии — против них. Он писал Анненкову в феврале 1848 г.: «Когда я, в спорах с вами о буржуазии, называл вас консерватором, я был осел в квадрате, а вы были умный человек» («Письма», III, 338).

Конечно, мы не примем эти слова за чистую монету. Но они заставляют нас еще с большим вниманием присмотреться к тому, как по вопросу об исторической роли буржуазии, то-есть по вопросу о движущих силах исторического процесса, разошлись взгляды Белинского и его друзей. Спорам, которые завязались в Париже, не суждено было оборваться после отъезда Белинского. Они развернулись в России, — и уж не только как великие вопросы о судьбах Западной Европы, а как важнейшие вопросы о ближайших судьбах России. ||

VII

После пятимесячного отсутствия Белинский вернулся в Россию. Контраст между лихорадочно-политической жизнью предреволюционной Франции и политическим застоем в царской России был велик. Однако в Петербурге Белинский обнаружил признаки перемен, о которых сообщал друзьям за границу с огромным волнением и искренним увлечением. Распространялись слухи о подготавливаемой в высших правительственных сферах отмене крепостного права. Белинский подробно пишет об этом Анненкову в письме, миновавшем бдительный надзор почтовой цензуры.

Белинский рассказывает о том, что инициатива освобождения крестьян исходит будто бы от самого царя; что сановники-крепостники оказывают сильнейшее сопротивление; что идет борьба в придворных кругах... Белинский относится с доверием к слухам о том, что воля Николая I в этом отношении «решительна». Но это отнюдь не значит, что Белинский верит в добрые намерения и внезапный либерализм царя. Это не значит, что изменился взгляд Белинского на самодержавие. Нет, Белинский твердо убежден в том, что царь в ы н у ж д е н согласиться на важнейшую реформу из страха перед крестьянским восстанием. Он приводит, — по слухам, — слова царя: «Лучше нам отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у нас отняли». Добровольное согласие дворянства на отказ от своих крепостных прав, говорит Белинский, это единственный способ решить вопрос мирным путем. Если этого не будет, то «он решится сам собою,

КЕЛЬН

Гравюра Ф. Фольца, конец 1840-х — начало 1850-х гг.

«... Когда я сказал Анненкову, что решительно не намерен терять целый день, чтобы полчаса посмотреть на Кельнский собор, — с ним чуть не сделался удар...» (из письма Белинского к жене от 3 августа/22 июля 1847 г.)

Институт литературы АН СССР, Ленинград

другим образом, в 1000 раз более неприятным для русского дворянства. Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение». И далее: «...когда масса спит, делайте, что хотите, все будет по вашему; но когда она проснется — не дремлите сами, а то быть худу...» («Письма», III, 316—317).

Свои, русские дела сразу захватили Белинского. Но и французские не стали чужими. Салтыков-Щедрин свидетельствует об этом времени: «Мы с неподдельным волнением следили за перипетиями драмы последних лет царствования Луи-Филиппа... Процесс министра Теста, агитация в пользу избирательной реформы, высокомерные речи Гизо..., наконец, февральские банкеты — все это и теперь так живо встает в моей памяти, как будто происходило вчера» (Н. Щ е д р и н. Полн. собр. соч. Т. XIV, стр. 162).

Политическая обстановка быстро изменялась за рубежом и обнаруживала признаки возможных перемен в России. Произошла ли перемена в са-

мом Белинском после его поездки? Оказалась ли заграничная поездка полезна для него? Что внесла она нового в его мировоззрение?

Белинский сразу по приезде окунулся в литературную жизнь. Здоровье его не улучшилось. Вскоре он слег, чтобы уж не подняться более. Но в эти последние месяцы его жизни мысль Белинского работает с прежней напряженностью и остротой. Со всей прежней силой он отстаивает позиции демократии против славянофильской реакции, против всех врагов европеизации России. Об этом свидетельствует и прямая полемика против журнала «Москвитянин» и, в особенности, замаскированная — в рецензии на книгу монаха Иакинфа «Китай в гражданском и нравственном отношении». Белинский в этой рецензии очень тонко и очень остроумно высмеивает всех сторонников социального и политического застоя, всех, кто оправдывает совершенство «самобытного» китайского уклада жизни. «Китай — страна неподвижности; вот ключ к разгадке всего, что в нем есть загадочного, странного». Белинский устанавливает как бы общий закон развития народов: «Может быть, что со временем и все части света примкнут к общему развитию человечества, войдут в его историю, но опять-таки не иначе, как через Европу». И он заключает рецензию язвительным выпадом: «Прочтя книгу почтенного отца Иакинфа, никто не сделается х и н о ф и л о м... напротив!» (XI, 153—158).

Таким образом, Белинский стоит на прежних позициях передовой русской демократии 40-х годов прошлого столетия. И попрежнему он убежден, что в общем историческом процессе европеизации русский народ прокладывает свой собственный путь. Каков этот путь? Каковы те общественные силы, которые поведут русский народ по новому пути к высокой цели?

Белинский решительно отвергает всякие мистические представления о народе. Официальное учение о «народности» в известной формуле Уварова и славянофильские разглагольствования о «народности», противопоставляемой образованному обществу, — все это идеологическое прикрытие для реакционной политики застоя. В рецензии на книжки-сборники «Сельское чтение» Белинский разоблачает мистику в разговорах о народе. Народ это, конечно, величайшая, основная сила в государстве. В частности, «русский народ — один из способнейших и даровитейших народов в мире» (XI, 164), но сам по себе, без руководства, он представляет силу стихийную, — способную на революционные действия, но способную и на поддержку реакции. Все дело в том, за кем идет народ, кто является его руководителем. Это возвращает нас к спору о движущих силах истории, который начался между друзьями Белинского в Париже и который теперь продолжался в России. Это — спор об исторической роли буржуазии.

Первое слово принадлежало Герцену. Он изложил свой взгляд в напечатанных в «Современнике» известных «Письмах из Avenue Marigny». Само собой разумеется, в русском подцензурном журнале Герцен не мог высказаться с той полнотой, с какой он говорил в Париже. Поневоле ему пришлось оперировать всего больше с литературными произведениями, в коих так или иначе отразилась современная французская буржуазия. Но русский передовой читатель умел читать и понимать своих публицистов.

Блестящее обличение буржуазии Герценом знакомо всем читателям Герцена, и нет нужды пересказывать его. Нам важно подчеркнуть основное положение: «Буржуазия не имеет великого прошедшего и никакой будущности» (А. Г е р ц е н. Полн. собр. соч. Т. V, стр. 133). Так говорит Герцен в первом письме и повторяет это в четвертом. Он не проводит никаких различий между крупной, средней и мелкой буржуазией. Вся в целом она является несчастьем и проклятьем Франции.

Так же смотрит на буржуазию и Бакунин. И для него буржуазия — это главный источник всех пороков капиталистического строя. Всегда буржуазия была такой, и нечего от нее ждать в будущем. Это относится к Западной Европе, а что касается России, то Белинскому Бакунин доказывал в личных беседах, что «избави-де бог Россию от буржуазии...»

Эта критика буржуазии в устах Герцена и Бакунина совпадает с критическим обличением буржуазии в произведениях Прудона и Луи Блана. Отвергая за буржуазией во всех ее разновидностях какое-либо будущее, Прудон и Луи Блан противопоставляли капиталистическому обществу свои панацеи рабочих ассоциаций, создающих исключительно на экономической почве, без всякой политической, а тем паче революционной борьбы, новый «социалистический» строй.

Соглашаясь с Прудоном в критике буржуазного строя, Герцен относился скептически к утопическим проектам мирного переустройства. Он писал: «Настоящим положением Франции все недовольны, кроме записной буржуазии и ажиотеров „во всех родах различных“; чем недовольны, — знают многие, чем поправить и как поправить — почти никто; всего менее — существующие социалисты и коммунисты, люди какого-то дальнего идеала, едва виднеющегося в будущем» (А. Герцен. Полн. собр. соч. Т. V, стр. 160). Это осуждало Герцена на пессимизм в отношении Франции, на скептицизм в отношении Западной Европы вообще. Но к России выводы Герцена не имели никакого отношения, поскольку в России предполагалось отсутствие буржуазии и не предполагалось ее возникновения, как серьезной политической силы.

В русской печати трудно, даже невозможно было обсуждать вопрос, поднятый Герценом. Но его обсуждали не в печати, — при этом довольно горячо. С Герценом не соглашались. Круг спорящих был шире, чем в Париже. Мы знаем, что в Париже Белинский поддержал Герцена против Анненкова, хотя там же указал на слабые стороны в позиции Герцена, — на недостаточную определенность в его понимании слова «буржуазия».

В статье «Взгляд на русскую литературу в 1847 году» Белинский пишет: «Письма из Avenue Maigny были встречены некоторыми читателями почти с неудовольствием, хотя в большинстве нашли только одобрение. Действительно, автор невольно впал в ошибочность при суждении о состоянии современной Франции, тем, что слишком тесно понял значение слова: bourgeoisie. Он понимает под этим словом только богатых капиталистов, и исключил из нее самую многочисленную, и поэтому самую важную массу этого сословия... Несмотря на это, в Письмах из Avenue Maigny так много живого, увлекательного, интересного, умного и верного, что нельзя не читать их с удовольствием, даже во многом не соглашаясь с автором» (XI, 144—145).

Читатели разделены на три категории: одни отнеслись к письмам Герцена только с одобрением. Другие «почти с неудовольствием». Сам Белинский дает положительный отзыв, во многом не соглашаясь с автором.

Самым крайним противником Герцена оказался Боткин. Он писал: «Вы меня браните за то, что я защищаю bourgeoisie; но, ради бога, как же не защищать ее, когда наши друзья, со слов социалистов, представляют эту буржуазию чем-то в роде гнусного, отвратительного, губительного чудовища, пожирающего все прекрасное и благородное в человечестве? Я понимаю такие гиперболы в устах французского работника, но когда их говорит наш умный Герцен, то они кажутся мне не более, как забавными» (А. Герцен. Полн. собр. соч. Т. V, стр. 51).

Это была ясная и последовательная защита буржуазии с позиций русского либерала. Боткин не скрыл своей вражды к социалистам. Его расхождение с прежними друзьями из кружка Белинского было уже настолько велико, что не оставалось места для общего языка.

Боткин был не единственным человеком, которому нападки Герцена на буржуазию доставляли неудовольствие. Защищать Герцена приходилось и от Кавелина. Для него, как и для Боткина, буржуазная культура казалась верхом современной цивилизации, и они не представляли себе иного общественного строя для России, чем капиталистический с умеренным парламентом. Они развивали последовательно и до конца те возражения Герцену, с которыми в Париже выступал Анненков.

В критике буржуазии, в обличении ее пороков, гнилости, продажности, низости Белинский был одного мнения с Герценом. Он был врагом буржуазии, — об этом говорят не только его полные страсти обличительные характеристики французской плутократии, но и его горячее сочувствие трудящимся. В этом отношении непосредственное знакомство с капиталистической культурой только усилило то чувство ненависти к эксплуатации человека человеком, которое сделало Белинского, по его собственному признанию, социалистом.

Но Белинский «во многом» не соглашался с Герценом.

Он не соглашался прежде всего с взглядом Герцена на буржуазию как на определенную, неизменную общественную категорию, с раз навсегда присвоенными ей качествами, не имеющую ни прошедшего, ни будущего. Мы уже приводили отзыв Белинского о Луи Блане: «Буржуази у него еще до сотворения мира является врагом человечества и конспирирует против его благосостояния...» Герцен стоял на такой же луйблановской, прудоновской точке зрения.

Белинский соглашается с Боткиным в том, что буржуазия это не случайное явление, что она вызвана историей, «что, наконец, она имела свое великое прошедшее, свою блестящую историю, оказала человечеству величайшие услуги» («Письма», III, стр. 328). Но это ни в малейшей степени не смягчает в глазах Белинского продажности и преступности правящей во Франции буржуазии.

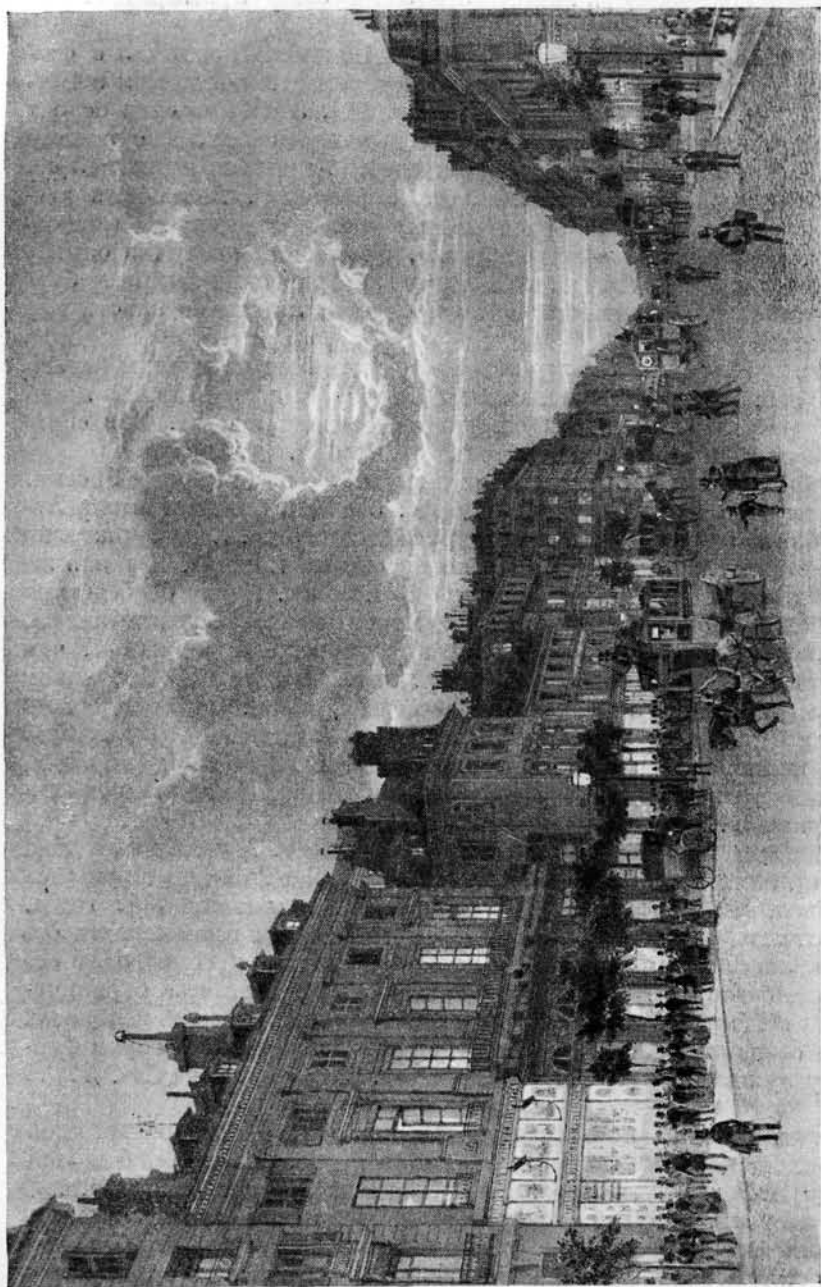
Белинский не соглашается с Герценом в его огульном осуждении буржуазии как некоего общественного единства, как одной общей массы. Белинский различает в буржуазии ее верхи, крупную промышленную и финансовую аристократию, средние классы и низы. Он пишет: «Итак, не на буржуази вообще, а на больших капиталистов надо нападать как на чуму и холеру современной Франции» (там же).

Белинский предлагает различать в связи с конкретными историческими условиями буржуазию в борьбе за власть и буржуазию у власти. Буржуазия, которая ведет борьбу за признание своих прав, не отделяет «своих интересов от интересов народа...» (там же).

Если правящая французская буржуазия является «чумой и холерой» для своей страны, то этого нельзя сказать «о среднем классе». Ему предстоит, по мнению Белинского, сыграть значительную историческую роль в истории Франции.

Клеймя крупную буржуазию, владычество капиталистов, которое «покрыло современную Францию вечным позором», Белинский готов согласиться с тем, что вопрос о буржуазии — это вопрос сложный, что «никто пока не решил его окончательно, да и никто не решит — решит его история, этот высший суд над людьми» («Письма», III, стр. 326).

У Белинского не было еще законченной, до конца продуманной теории исторического развития, но не подделжит сомнению, что он далеко в этом отношении опередил своих друзей, застрявших на позициях, близких к Прудону. У него нет никаких либеральных иллюзий, когда он говорит о капиталистическом обществе, но он не ограничивается одним отрицанием. Он пишет: «Я знаю, что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества. Собственно, она только последнее зло в владычестве капитала, в его тирании над тру-

ПАРИЖ. ИТАЛЬЯНСКИЙ БУЛЬВАР

Автолитография Ф. Бенуа, 1840-е гг.

«... На другой день отправились мы по железной дороге в Париж, куда и прибыли часов в 6 вечера... Меня с первого взгляда никогда и ничто не удовлетворяло... Но Париж с первого же взгляда превзошел все мои ожидания...» (из письма Белинского к жене от 3 августа/22 июля 1847 г.)

Музей изобразительных искусств, Москва

дом» («Письма», III, 334). Эти слова знаменательны. Они указывают на то, в какой исторической перспективе вставал перед Белинским вопрос о капиталистической промышленности. Он называл ее «последним злом». Эти слова исключают возможность какого бы то ни было примирительного отношения к капитализму.

Становится более ясна та позиция, которую Белинский занимал в спорах между Герценом и Бакуниным, с одной стороны, Анненковым и Боткиным — с другой. Это не была средняя позиция. Это была своя особая позиция. Спор между Герценом и Анненковым происходил в сущности в одной плоскости: Герцен отрицал буржуазию, Анненков принимал ее. Оба находились под влиянием прудоновских взглядов. Белинский рассматривал буржуазию как историческое явление, прогрессивное при одних условиях, реакционное — при других. Белинский различал борьбу внутри класса буржуазии. Ему ясно было, что исторический характер буржуазии изменяется в зависимости от того, борется ли она за власть или обладает властью.

Для Герцена и Бакунина буржуазия была явлением, присущим только Западной Европе. По их мнению, счастье России было в том, что в ней отсутствует буржуазия как значительная общественная сила. Они сбрасывали ее со счетов истории применительно к России.

Но у Белинского было иное отношение к вопросу о буржуазии в России. Это не был для него только «чужой» вопрос. Это был «свой», национальный вопрос о ближайших путях развития русского народа. Если буржуазия играла прогрессивную роль в историческом развитии Европы, то такая же роль может и должна открыться перед ней и в России. Какие бы бедствия ни несли с собой буржуазия для народа, не могут быть они более тяжкими, чем крепостнический застой, чем гниение в условиях самодержавия, чем кладбищенский покой царства «мертвых душ». С полным убеждением в своей правоте Белинский произносит известные слова: «Мой верующий друг <Бакунин> доказывал мне еще, что избави-де бог Россию от буржуазии. А теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию...» («Письма», III, 339).

Это было написано в Петербурге 15 февраля 1848 г. А приблизительно в это же время, в январе 1848 г., в «*Deutsche Brüsseler Zeitung*» появилась статья Энгельса, озаглавленная «Революционные движения 1847 года». Энгельс писал, между прочим, касаясь России: «В России промышленность развивается колоссальными шагами и превращает даже русских бояр все более и более в буржуа. Крепостная зависимость подвергается ограничениям в России и Польше, что означает ослабление дворянства в интересах буржуазии и создание свободного крестьянского класса, в котором буржуазия всюду нуждается» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 247).

Речь идет тут, конечно, не о заимствовании и даже не о влиянии идей Маркса и Энгельса на Белинского, хотя, как известно, Белинский был знаком — еще до 1847 г. — с некоторыми работами Маркса и Энгельса. Мы не намерены вдаваться в область догадок и соблазнительных параллелей. Важнее то, что мысль Белинского развивалась в направлении, близком к теоретической деятельности основоположников марксизма; что из передовых мыслителей России той эпохи Белинский, может быть, был единственным, кто силой своего анализа мог преодолеть прудоновские модные взгляды и установить самостоятельное критическое отношение к «социалистическим» теориям своего времени. Смерть оборвала жизнь и деятельность Белинского в такое время, когда он, полный духовной энергии, вышел на новый перекресток исторических путей. Он избрал верный путь, но ему не суждено было сделать даже первый шаг на этом пути. Статья

Энгельса, предшествующая «Манифесту Коммунистической партии», показывает, на каком высоком теоретическом уровне стояла мысль Белинского.

Энгельс спокойно говорит о торжестве буржуазии, о ее попытках завоевать всю власть в Европе. «Всем известно, что мы не являемся друзьями буржуазии. Но на этот раз мы ей охотно предоставляем торжествовать... Пусть буржуазия знает наперед, что она работает лишь нам на пользу... Итак, продолжайте смело вашу борьбу, милостивые государи от капитала! Пока вы нам нужны; кое-где мы нуждаемся даже в вашем господстве. На вашу долю выпадает задача убрать с нашего пути остатки средневековья и абсолютную монархию... При помощи ваших фабрик и торговых связей вы должны создать основу тех материальных средств, в которых пролетариат нуждается для своего освобождения. В награду за все это вы получите короткий период власти. Вам предоставляется диктовать законы, нежиться в лучах созданной вами славы. Вы можете пировать в королевском зале и взять в жены прекрасную королевскую дочь, но не забывайте одного — палач стоит у порога» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 248—249).

У Белинского не было и не могло быть такой отчетливой исторической перспективы. Пролетариат как самостоятельная общественная сила не стоял перед его глазами. Он отрицал пролетариат в России. И все же в характеристике буржуазии, как исторического явления, в характеристике буржуазии, борющейся за власть и торжествующей, в характеристике буржуазии, как «последнего зла» — он вплотную подходит к историко-философским идеям Маркса и Энгельса. Он остается революционным демократом, философом просветительского толка, но в его последних статьях и письмах звучат новые ноты, и его слова о роли крупной промышленности в грядущих судьбах России звучат пророчески. Непосредственное знакомство с западноевропейской жизнью не прошло даром. Белинский собственными глазами увидел крупную буржуазию у власти и мелкую буржуазию в борьбе за власть. Он был свидетелем и участником горячих споров между сторонниками Прудона и сторонниками Маркса. Он сохранил свою критическую самостоятельность, разобрался в общественных противоречиях, установил для себя связь между новыми явлениями в западноевропейской жизни и новыми явлениями в жизни России. У себя на родине он видел первые, разгорающиеся огоньки крестьянской революции, чувствовал силу стихийного напора крестьянства на устой помещичье-дворянского крепостнического уклада, и все его симпатии были с крестьянами. В Западной Европе, в Германии и Франции, он увидел собственными глазами рабочих, пролетариев под игом капиталистического рабства, увидел нищету народа под прикрытием расцвета буржуазных верхов, — все его симпатии были с рабочими. Как и другие утопические социалисты того времени, Белинский рассматривал пролетариат прежде всего как угнетенную, страдающую массу. Мысль о рабочем классе как руководителе социалистической революции, да и самое представление о пролетарской революции, были чужды Белинскому. Но социалистическая революция не стояла еще в порядке дня. Рабочему классу предстояло первое крещение на баррикадах Парижа, — в смертельной борьбе с той самой буржуазией, которая превратилась из буржуазии, борющейся против остатков феодальной монархии, в буржуазию торжествующую.

Белинский знал цену этой буржуазии. Он понимал, как выглядит «последнее зло» во владычестве капитала над трудом, но из своей заграничной поездки он вернулся с твердым убеждением в том, что только через превращение феодально-крепостнической России в Россию буржуазную русский народ может прийти к своему окончательному освобождению и от царизма и от капитализма. Как это произойдет — Белинский предостав-

лял решать потомкам, внукам и правнукам, не сомневаясь лишь в одном, что русские люди через сто лет скажут свое, новое слово миру и что русский народ окажется впереди других народов на пути всемирно-исторического развития и будет окружен уважением всех передовых народов.

Вместе с «Письмом к Гоголю» это было завещанием Белинского своим далеким потомкам. Гениальное прозрение соединялось с глубочайшей верой в русский народ, с пламенной ненавистью ко всему, что стоит препятствием на его дороге к освобождению от нищеты и от темноты. Революционный патриотизм Белинского неразлучен с его глубоким вниманием и интересом к жизни и борьбе других народов, с уважением к их национальной самостоятельности и независимости. Гуманизм Белинского был теснейшим образом связан с его историко-философскими воззрениями, признававшими общность основных законов исторического развития для всего человечества при самостоятельном выборе народами своих путей к общей цели. Революционно-демократические взгляды Белинского в равной мере были враждебны и национальной исключительности, рождающей мистику «избранных» рас и народов, и слепой подражательности, низкопоклонству перед иностранщиной.

Пророчество Белинского оправдалось. Его завещание выполняется в советской стране. Потомки, к которым он обращался, — наши современники, участники и строители Великой социалистической революции. Белинский не был марксистом, но из всех передовых русских людей 40-х годов прошлого столетия он всех ближе подошел к марксизму, и в его статьях и письмах, во всей его деятельности, в самой его личности замечательного русского человека есть черты, близкие и родственные «Манифесту Коммунистической партии», — та же страстность и непримиримость в борьбе за освобождение трудящихся, та же глубокая, оптимистическая вера в торжество разума, науки, демократии, социализма. Его статьи перекликаются с нашим временем. Они прошли сквозь строй времен, сохранив свою живую, волнующую силу. Виссарион — это имя дорого советским людям. Оно служит символической связью между утренней порой русского революционного движения и его зрелостью.